

ДИАНА ВА-ШАЛЬ

ЗАРЕВО

КНИГА 2

ПЕКЛО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Диана Ва-Шаль
Зарево. Пекло
Серия «Зарево», книга 2
Серия «Хроники змей
и серпов», книга 5

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68978298
SelfPub; 2023*

Аннотация

Прошли первые недели "локального апокалипсиса". Преисподняя распростерлась всюду, а горгоновский яд заструился по венам. Когда-то Штефани знала, что жизни после смерти не существует; но смерть сменила лица и заползла в души. Вместе с группой "Горгона" девушке предстоит столкнуться с тем, что осталось от Государства и что ненамеренно создал режим Трех. Живые все так же оказываются злее и свирепее монстров-кадаверов, а каждый из героев проходит собственное испытание идеалов. Устремляя взгляд к Небесам, Кристофер хочет получить ответ на вопрос: что делать, когда мир догорает? Пировать во время чумы. Любить во время холеры. Плясать на костях. Жить вопреки смерти.

Содержание

Часть 3. Штефани Шайер	7
1	7
2	34
3	66
4	100
5	133
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Диана Ва-Шаль Зарево. Пекло

"Desine sperare qui hic intras"

Часть 3. Штефани Шайер

1

Кровь стучит в ушах, а внутри все дрожит и трепещет от ужаса. Каждый раз боюсь закрыть глаза, ведь не знаю, удастся ли их вновь распахнуть.

Холодный ветер. Такой сильный, что машину шатает из стороны в сторону. И мне страшно, глупо это скрывать. Деревья клеткой высятся вокруг. Сумрак. Жара, сменяемая холодом. Бесконечные бумаги и записи. В сотый раз пробегаю глазами по строчкам, которые уже не сотрутся из памяти. Что хочу еще здесь найти? Какую еще информацию пытаюсь отыскать? Неужели в тысячный раз прочитывая сухие факты я надеюсь, что написанное вдруг переменится, что происходящий кошмар испарится, как дурной сон с первыми лучами солнца?

Кашель Марка и кровь на его ладонях. Он хрипло нашептывает о военных в городе, о технике и загражденных кварталах. Об отце, в спешке сжигающем документы в кабинете. О том, что даже приближенные к Трем не ведали всего ужаса, происходящего на Севере. Речь его сбивчивая. А Марк все кашляет, и кашляет, и кашляет. И темные склизкие сгустки на его ладонях. Записываю каждое слово Нюстра-

ма в блокнот. Меня успокаивает выводить эти корявые буквы на бумаге. Успокаивает разрисовывать поля в документах Гивори хитросплетениями ветвей.

Только занять себя чем-то. Заставить переключить внимание на что-то другое: когда-то меня это уже спасло. Спасет и сейчас. Не думать. Не анализировать. Не думать...

Иду за Крисом, почти не дыша. Каждый шаг – остановка сердца. Дом кажется пустым. От страха перед глазами все плывет и дрожит.

Когда появляется первый зараженный, страх становится настолько сильным, что я перестаю чувствовать тело. Замираю, не в силах ни дернуться, ни вскрикнуть. Когда Крис падает, оцепенение проходит. В этот же момент появляется второй мертвец. Он быстро надвигается на Люю-иса. Вздрагиваю, резко поднимаю пистолет. Глубоко вдыхаю; руки вспотели. Выдох. Нажимаю на спусковой крючок.

Хлопок. Тело падает. А я осознаю, что сделала.

Немая истерика. Не слышу голоса Криса, не вижу, как в комнату влетает Норман. Не отвожусь взгляда от мертвого тела на полу.

Внезапно мертвец поворачивает голову ко мне. Вижу лицо Эндрю.

"Помоги мне, Штеф".

И кричу. Кричу так, что закладывает уши. Кричу, надрывая горло. Кричу...

Проснулась от собственного крика. Подорвалась на кровати, отталкивая от себя сбитое одеяло и забиваясь в угол. Дышала глубоко и рвано, и каждый вдох отдавался резкой болью где-то ниже легких. Я не понимала, когда успела подскочить Сара; она перехватила мои дрожащие руки и говорила что-то, крепко прижимая к себе. Не замечала, как Карани, растолкала ногой спящего Нормана на соседней кровати, чтобы он принес воды. Меня трясло. Вцепившись в руку Сары, тихо поскуливала, боясь закрыть глаза, боясь вновь увидеть лицо Эндрю, боясь, что после его лица мне начнет сниться кто-то еще. Я не видела, как на край кровати присел перепуганный Сэм. Ничего не видела, ничего не замечала, и только страх, поглотивший с головой – вместо крови, вместо кофе по моим венам сочился яд, намешанный Фобосом и Деймосом, и в образе Эндрю являлись в ночи Керы.

Помню, как жадно выпила стакан холодный воды, как краем глаза посматривала в небольшой проем завешанного окна, лежа на руках Карани. Глаза заволокли слезы. Всё еще немного потряхивало. Сара что-то напевала, покачивая меня, точно ребенка, а я смотрела на темную улицу, на горизонт, который вот-вот должны были тронуть первые лучи восходящего солнца.

Хотелось, чтобы случившееся оказалось лишь страшным сном. Предрассветным кошмаром, который сотрется из памяти. Чтобы я проснулась дома, еще до той треклятой поездки; и чтобы все слухи о Северной заразе остались лишь

слухами. Слезы текли по щекам, падали на руки Сары... Линия горизонта потеплела. Сегодняшний день наступал.

Ничего больше не могло стать прежним. Чуть больше трех недель назад инфекция перевернула все окончательно. Шесть дней назад я нажала на спусковой крючок. А сейчас лежала на коленях Сары, бездумно глядя на улицу.

Уже ничего не будет прежним. Уже нет надежды, что все в один миг изменится и придет в норму. Не придет. Никогда. Нужно смириться.

Но а дальше-то что?

А дальше пустота. Мы остались лицом к лицу с неминуемым и непоправимым. И было это куда масштабнее и яростнее, чем политический сыск, да беззаконие властей. Столкновение со смертью, но в неопишемом масштабе.

Ни надежды, ни веры. Лишь разрывающее непонимание и глухая покорность. За прошедшие шесть дней выплакала оставшиеся слезы, вдоволь намолилась безмолвной Матери и глухим Небесам.

Три недели. Три недели... Словно апогей моей эмоциональной мясорубки; за ним пришло смирение и выгорание. Эмоций и волнений так много, что на какое-то время вовсе перестала что-либо чувствовать. Лишь смотрела на линию горизонта, ожидая рассвета и не замечая катящихся слез по щекам.

Еще нет и шести утра. У горгоновцев общий подъем, раз-

дача пайка на день и смена дежурного. Завязывая волосы в тугой хвост на голове, я спускалась со ступеней на первый этаж. Лицо – немного опухшее после раннего плача, хотя сама уже спокойна. Сильная усталость и слабость, – они, в общем-то, теперь и не проходили, – хотелось свернуться клубочком в постели и не шевелиться, стать невидимкой, которую все перестанут замечать.

За спиной раздались скорые легкие шаги. Я обернулась и замерла на предпоследней ступени, дожидаясь натягивающую объемную куртку Сару. Девушка как можно бодрее улыбнулась мне, сбегая по ступеням, и мы вместе вышли в обширную гостиную. Горгоновцы притащили сюда стулья со второго этажа, большой овальный стол из летней кухни, и даже кресло с вычурной обивкой (именно обладание им стало предметом извечной вечерней борьбы если, конечно, в кресле не располагался Роберт) – в этой комнате все предпочитали собираться для перекусов, игр в карты, размышлений о грядущем, совещаний и оперативок Сборта. Здесь же установили приемник, развесили на стене карту (на место телевизора, вынесенного, чтобы не мозолил глаза и не напоминал об отсутствии электричества).

Через большое окно в комнату проникали единичные солнечные лучи, отражающиеся на противоположной стене розовато-апельсиновыми пятнами света. В груди защекотало от очень старых, почти детских воспоминаний – радостный трепет от рассвета, ощущение единения с природой, с ее

пробуждением. В лучах, разрезающих сумрак комнаты, различалась медленно оседающая пыль.

Стэн, зевая и скрестив руки на груди, полулежал на кожаном молочном диване. Стивен раскладывал на кучки паек, безмолвно проговаривая подсчет. Михаэль перешептывался с Робертом; Сборт, опустив глаза и оперев руки в бока, внимательно выслушивал Боура и изредка кивал – стояли оба напротив карты. Нам с Сарой кивнули в приветствие, кто-то бросил сухое "утра!" заспанным голосом. Карани, дотронувшись до моего плеча, повернула к выходу. Сильнее кутаясь в куртку вышла на улицу – ее черед дежурства; паек заберет позже, с утра он ей не нужен; девушка предпочитала воду на завтрак. Сложив руки на столе и уткнув в них лицо, тихо посапывал Сэм. Уж кто, но он точно не был приспособлен к мало-мальски раннему подъему, и подняться с первого раза для Сэмуайза – нечто почти невозможное.

Села на стул рядом с другом, опустив голову ему на спину и прикрыв глаза. Тихо. Разговор Роберта с Михаэлем, убаюкивающий и успокаивающий, почти не различим. Впрочем, я и не старалась вслушиваться в слова; довольно было не самых приятных вещей и драматичных новостей.

Спать не хотелось, но легкая слабость не оставляла. Я все думала о восходе солнца, о неспешности в раздаче пайка, о дремлющем Сэме, о дежурстве. Дежурный постоянно на ногах и во внимании: сначала сидит на смотровой площадке наверху (на деревянной открытой лоджии), затем делает

осмотр второго и первого этажа, под конец еще раз обходит внутренний двор, где уже и остается дожидаться своей смены.

Роберт позволял мне дежурить. Только днем, как и обещал.

Время точно замедлилось. Тело Сэма медленно поднималось-опускалось от его глубокого, спокойного дыхания. Я обнимала его за руку. Казалось, что предрассветная истерика лишь почудилась. Спокойно, тихо, почти невесомо... Даже почти забыла лицо Эндрю из сна. Почти.

На грани сознания услышала, как дверь с силой распахнулась. До уха долетели голоса Льюиса и Роудеза. Чувало мое сердце, что Норман по-тихому слил Кристоферу предутреннее происшествие. Приоткрыла глаза, наблюдая за приближающимися фигурами. Льюис что-то бурчал, разминая правое плечо, и когда наши взгляды пересеклись, я почти незаметно кивнула ему в приветствие; он поступил также, затем еще бросив какую-то фразу Норману. "Кристофер", – раздался бархатистый голос Сборта, и горгоновец сразу направился к командиру.

Вновь закрыла глаза, прислушиваясь к сердцебиению. Эфимерно, почти нереально. Такое шаткое спокойствие, столь непривычное после прошедших дней. Впервые за все три недели ощущала подобное чувство. Да что там, впервые за несколько лет на какую-то пару минут в груди стало так легко.

Началось движение. Я мгновенно поднялась, подталкивая Сэма.

– Еще раз всем доброго утра, – проговорил Роберт, внимательно окидывая нас всех взглядом. – Стивен?

– Все готово, – ответил горгоновец, даже как-то становясь навытяжку.

– Прекрасно. Итак, – Сборт говорил негромко, размеренно, играя интонациями и успевая глянуть на каждого присутствующего. – Подведем небольшой итог. Абсолютно все передачи по приемнику прекратились два дня назад. Вокруг нашего нынешнего места пребывания было замечено девять зараженных в течение прошедших трех суток. Многие из вас начинают задаваться вопросом, как долго мы еще будем находиться здесь, и почему бы нам не направиться к центру или к ближайшей из военных баз, – я тяжело сглотнула, украдкой глянув на Криса. Мы все также оставались (не считая Роберта) двумя, знавшими о драматичной развязке событий у Старых рубежей. – Безусловно, просто сидеть и ждать божественной помощи бессмысленно, но все должны понимать, с чем мы столкнемся, стоит только выехать на шоссе́йные трассы и двинуться в направлении любого города. Времени прошло не так много; хотя здесь, я знаю, ощущается совсем иначе. Пока что, как это видится мне, ни мы не сможем оказать кому-нибудь помощи, ни нам она не может быть оказана, – Роберт выдержал небольшую паузу, глянув на карту. – Конечно, наше пребывание здесь временно. Куда бы в

дальнейшем не лег наш путь, какой бы из вариантов дальнейшего нашего следования мы не избрали, первые этапы всегда одинаковы. Рывку вперед предшествует подготовка. Нужно собрать провизию, бензин; оружие лишним тоже не будет. Думаю, мы сможем немного восполнить наши запасы на оставленных таможенных постах, если никто раньше нас их не обнес. Конечно же, осматриваем машины, устраняем возможные неполадки, и, уверенные в полной и достаточной готовности, выдвигаемся, – со всех сторон донеслось четкое "принято". Я коротко кивнула, чувствуя легкое волнение в солнечном сплетении.

Роберт мало освещал подробности своих планов, но все безмолвно доверяли ему. Каждый горгоновец жил искренним убеждением, что у Сборта всё продумано до мелочей. Если во что-то эти люди и верили, если кому-то и были верны – то лишь своему командиру. И это невероятным образом подкупало и меня. Чем дольше я находилась среди "Горгоны", тем сильнее проникалась их особым духом, пусть иногда и не могла до конца его понять.

– Чуть позже обсудим, кто и чем займется, – Сборт улыбнулся краешком губ, кивнул. После этого все немедленно разошлись.

Прохладная вода приводила в чувства. Горгоновцы нанесли воды с реки, и, можно сказать, мы обладали прекрасными удобствами, особенно сравнивая с бесконечной дорогой в машине. А если припомнить обстоятельства нашего бегства

из °22-1-20-21-14, то в этой глуши мы обнаружили рай на земле.

Я сидела на диванчике на кухне, поджав под себя ноги и рассматривая разложенные вчерашним вечером бумаги на столе — до двух часов сидела с ними, благо, полнолуние делало ночи светлыми. Вспоминались рабочие будни и вечера, когда, погруженная в работу, забывала уйти домой, оставаясь в окружении синих мониторов, заметок и записей.

Почему-то тогда нам с Сэмом действительно верилось в то, что простого человеческого упорства хватит для противостояния старой обрюзгшей системе. Хотя, наверное, простое человеческое упорство и было для этого нужно. Но не двух, ни десятерых, и не тысячи человек. Но людям свойственно приспосабливаться, закрывать глаза, довольствоваться тем, что есть, в страхе вызвать протестом худший вариант развития событий. Не могла же власть Трех установиться лишь по их воле? Тому способствовало молчание наших родителей, и их родителей, и их... Люди не жаловались. По крайней мере, до тех пор, пока у них оставались хоть какие-то реальные права. Но недовольных становилось больше, очаги сопротивления масштабнее, и все это вылилось в откровенное восстание "Холодного штiria".

Тяжело вздохнула, откладывая в сторону газету, найденную на этой же кухне. Иванко Хорст. Маркизус Северных земель. "Лжец и лицедей". А на деле человек, рискнувший вслух заявить о том, что Трое уверовали в свою божествен-

ность, и их система давно оторвана от реальности.

Да только теперь имело ли всё это смысл? По земле принялись разгуливать ракшасы, ожившие мертвые. Всё объело пламя. Старые рубежи, – оплот нашей власти, военный центр и главное место Центральных регионов – потеряны. И Трех больше нет. И армии больше нет.

Зато до сих пор была "Горгона". Военная элита прежней власти. Идеологическая элита прежней армии.

Я опустила голову на стол, закрывая глаза. А, в пекло! Всё это, в сущности, бесполезное времяпровождение. Да и в документах, оставленных Гивори, чего-то нового и интересного больше не находила. Может, при других обстоятельствах они стали бы значимым материалом – личные записи лица, принимавшего непосредственное участие в медицинских разработках на Севере, его воспоминания и наблюдения... Но конкретно сейчас они бесполезны. Макулатура, не способная помочь побороть Северную заразу.

Выпрямилась, провела рукой по волосам.

Насколько бы паршиво не приходилось последние годы при Трех, но никто и подумать не мог, что жизнь может стать еще хуже. Казалось бы, что могло быть хуже арестов посреди бела дня, сфабрикованных по политическим статьям дел, из-за которых люди просто испарялись, переставали существовать? Могло ли найтись что-то страшнее, чем бояться за жизнь дорогих тебе людей и свою собственную, когда, возвращаясь домой по темным переулкам, ты оглядывался не

в страхе нападения преступника, но притаившегося правительственного жнеца, в силах которого утащить тебя в автозак и увезти в места, из которых не возвращаются?

Жнецы. Псы режима, ищейки. Подразделение внутреннего сыска – созданное Тремя примерно в тот же период, когда началось активное противоборство Штиля, –занимающееся разгоном демонстраций, зачисткой информационного пространства, слежкой за оппозицией, допросами и казнями. Темные ребята. Не пожелаешь встретить таких на своем пути. Они были одним из звеньев в цепочке концентрации всей полноты тоталитарной власти в руках Трех. Власти, которая первоначально должна была решить жесткими мерами начинающийся коллапс, но слишком сильно затянула удавку на шее населения. Но всё эти нюансы раскрылись для нас позже, и когда мы столкнулись с реальным и видимым положением дел, переменить что-либо не было в наших силах. Когда свободы почти не осталось, тирания элит и верхушек достигла своего предела. Когда происходящее уже не воспринималось постмодернистским притворством. То, о чем шептались при зажженном свете, о чем тревожились в прогнозах и ожиданиях, было явью. Не паранойей. Не фантазией разгоряченной и дурной головы. Не бреднями алармистов.

Могло ли быть что-то хуже?

Увы. Могло.

Первое за долгие годы решение Трех, нацеленное на искреннюю помощь, возникшее желанием (пусть даже корыст-

ным) побороть тяжкие болезни и улучшить жизнь людей, привело нас к краю зловонной бездны. Сделай шаг – и разинутая пасть смерти готовилась пожрать всех нас. Впервые в жизни я была в растерянности от черноты объявшего нас зла, в эпицентре которого мы все находились прямо сейчас. И непонятно, на что и кого надеяться – ответом со всех сторон нам служила тишина. Ни Трое, ни Штиль, ни какие-либо другие силы не могли помочь простым людям оказавшимся лицом к лицу с бедой (впрочем, никто и никогда не силился помочь простым людям в горестях и страхах, оставляя нас один на один со всеми испытаниями и ужасами).

Я не знала, что происходит в Большом мире. Может, он давно уже мертв. А может жив, благоденствует и не думает помогать нашему сгорающему Дому – давно уже, многие, многие десятилетия назад прервались связи, воздвигнут был занавес. Потому и бежать нам, в сущности, некуда. И неоткуда ждать помощи сейчас.

Сэм хотел уехать. С горгоновцами ему тяжело давалось находить общий язык. Дорт принципиален, уперт, я бы даже сказала, упрям как осёл – военные, да еще и работающие в структуре власти Трех; с горгоновцами он, конечно, в открытый конфликт не вступал, но пассивную агрессию проявлял перманентно. Со мной же спорил и упорствовал – да без толку это. Куда бы мы с ним поехали? Что бы делали? Как смогли бы защитить себя?

Побарабанила пальцами по столу. Взглядом скользнула по

фотографиям на столе. По газетным заголовкам. По растолстевшей записной книжке. Обернулась на застекленный коридор. Там, вперед и налево. Место, где таились зараженные. Где я нажала на спусковой крючок. А что мне еще оставалось сделать?

"Это был хороший выстрел, Штефани. Слезы нужно оставить позади", – сказал Роберт, когда я сидела на ступенях трейлера в полудреме от таблеток Михаэля.

Перед глазами вновь всплыла пыльная темная комната. Вновь показался зараженный, бросившийся в сторону Лююиса. Я и снова ощутила отдачу от выстрела. От резко пришедшего осознания содеянного волосы стали дыбом.

Вздрогнула поживаясь. Втянула носом воздух, хмуря брови – можно отдаться воле судьбы, расставить руки и плыть по течению. Но куда оно меня принесет? А можно грести. Сопротивляться. Понять течение.

Случилась беда, приключилось большое несчастье. Началось еще большей череды несчастий. И тягостное ожидание наконец побороло теплящуюся первые дни надежду, что как-то пронесет, обойдется, разрешится иначе. Но перед нами разыгрывался наихудший из худших сценариев. Мы будто миновали точку невозврата и бесконечной горечи (ох, Небеса, знала бы я в ту секунду, что это было лишь начало моего долгого, тягостного и ломающего пути; однако в том, что к прежней жизни никогда не боле вернусь, я не обманулась).

Вернулась в гостиную одной из последних. Около семи

утра. Витал аромат кофе. Окно открыто; легкий прохладный воздух разгонял дремоту.

– Значит расклад такой, – Роберт покрутил стаканчик с кофе в руке, – впереди две вылазки. Первая – за провизией и бензином.

– Можно вернуться на заправку, что дальше по шоссе, – задумчиво проронила Сара, – не думаю, что из придорожного магазина успели всё вытащить, поживиться там точно будет чем.

– Именно, – Роберт согласно кивнул. – И, полагаю, пару канистр бензина мы тоже без проблем наберем. Вместе с Норманом поезжайте туда; можете даже сегодня, чтобы не терять время.

– На улице в складских помещениях есть пара объемных тачек, – проговорил Льюис. – Чтобы не катать бензин, можно сгонять на заправку пешком.

– Если по дороге, то расстояние до места около тридцати километров в одну сторону, – Стивен качнул головой, что-то прикидывая в уме. – Идти пешком больше пяти часов, опять же в одну сторону.

– Да, но вероятность, что мы потратимся больше, чем сможем привезти оттуда, все-таки есть. Мы не сильно спешим, и есть вполне дельный способ минимизировать возможность уйти в минус. Темнеет поздно. В крайнем случае, – Крис, вальяжно опершийся о стену, пожал плечом, – можно рискнуть срезать через лес.

– Рисковать точно не будем, – отрезал Сборт, – но вылазку действительно можем устроить пешую. Главное быть максимально внимательными и осторожными. Шанс пересечься с зараженными, безусловно, есть, но не такой большой. Толп мертвецов по дороге не встретить, здесь им неоткуда взяться.

– Я могу направиться вместе с Норманом и Сарой, – Стэн почесал тыльной стороной ладони подбородок. – Здесь остается достаточное количество людей, а мы вдвоем сможем и привезти все необходимое, и, если придется, противостоять хоть мертвым, хоть живым, – Сборт утвердительно махнул головой.

– Либо я мог бы, – поддакул Льюис.

– Нет, ты нужен мне здесь, – Роберт подошел к карте, сцепивая руки в замок за спиной, – вторая вылазка будет за оружием, и ее нужно продумать до мелочей. Со мной поедет Крис и Стивен, – Сборт вдумчиво осмотрел мелкую сетку дорог. – Дальше будем двигаться в южном направлении. До ближайшего населенного пункта больше полдня пути на машине; а главное – нужно миновать горный хребет. Городок на границе Центральных земель и Перешеечной области, – проговорил командир чуть тише. – Впрочем, сейчас это не самое значимое. Полицейский участок, таможенный пост, любая другая силовая структура находилась на территории города, а значит и оружие быть должно.

– Рискованно, – осторожно заметил Михаэль. – Чужой го-

род, будем искать крупницу среди песка.

– Но на въезде в любой город, на той же заправке, обязательно найдется полка с макулатурой. Каждый городишко, даже самый загнивший, штампует свои карты и сует везде, где можно, – Льюис сел за стол и оперся о столешницу предплечьями. – Перехватим подробную карту, сможем легко ориентироваться, – секунда, треск. Стэн отбросил на стол сломанную пластмассовую ложечку. Крис тяжело выдохнул отворачиваясь. Кажется, все понимали, в чем дело, только не мы с Сэмом. – У нас нет выбора, – хрипло проговорил Кристофер, глянув на Стэна, затем на Сборта, – ехать в любом случае придется. Боеприпасов у нас катастрофически мало.

– Безусловно. И мы поедem. И соберем всё необходимое, – Роберт окинул всех взглядом. – Михаэль вместе с Сэмом, – Сборт глянул на Дорта, распахнувшего от неожиданности глаза, – будете следить за приёмником. Я скажу, во сколько и какие каналы необходимо проверять; может Матьер соблаговолит, да живую речь услышим.

– О, в этом я шарю, – заулыбался Сэм, нервно выдыхая, – а то уж думал... – и что-то еще прошептал себе под нос.

– Когда я уеду на вылазку, Михаэлю перейдет выполнение моих обязанностей, – Сборт перевел взгляд на меня. Непроизвольно выпрямилась, немного начав нервничать под испытующим взглядом командира "Горгоны", и тяжело сглотнула. – Сейчас действуем в соответствии с ситуацией, и каждый должен уметь защитить себя, еще лучше – если каждый смо-

жет прикрыть спину другому. – Сборт выждал небольшую паузу, – горгоновцы, каждый из вас передаст минимальный объем собственных знаний Штеф, – информация ударила, точно обухом по голове; хотела было что-то сказать, да голос пропал. Из-за ступора я не увидела, что сами горгоновцы приказ командира приняли спокойно, словно он был *ожидаем*. – Сара, на тебе огнестрел. Обучишь быстро чистить, разбирать, заряжать; покажешь, что у нас есть, объяснишь, расскажешь нюансы; пояснять не буду, сама прекрасно знаешь, что такое огневая подготовка. Норман, будешь ответственен за физподготовку; можешь и в автомеханику удариться, для разнообразия. Михаэль – первая медицинская, – слова доносились эхом до подсознания. В ушах шумело. Все казалось наигранным, странным... – Стэн – ориентирование на местности. А еще обучишь знакам и сигнальным жестам, обозначения отработаете; чтобы всё понимала. Стивен – инвентаризация; да, впрочем, обучи-ка нашего любознательного журналиста и взлому. Крис, – Роберт посмотрел на Льюиса, – рукопашный и холодное оружие.

– Но Роберт... – мой голос прозвучал на высоких тонах. Оборвалась на полуслове, когда Сборт поднял руку.

– Это будет полезно и для тебя, и для "Горгоны". Не будет так много требоваться внимания к поддержанию твоей сохранности. К тому же, пусть для моих оболтусов и Сары будет работа, чтобы не разленились и с ума не посходили.

– А Сэм? – в панике выпалила я.

– Мне будет достаточно, если он будет поддерживать аппаратуру в порядке. Да и особого энтузиазма, я полагаю, он не проявит, даже если бы я *заставил* его чему-либо обучиться, – холодно бросил Роберт, отворачиваясь и собираясь уходить. – Сегодня первая вылазка. Готовьтесь, ваш выход ровно в восемь. Кстати, Штефани, – мужчина вдруг обернулся. Его движения спокойные, плавные, но с какой-то непоколебимой внутренней силой, – если хочешь, можешь направиться с этой троицей, – я замерла. Краем глаза увидела, как Льюис, собиравшийся отпить кофе, чуть не выронил стаканчика из рук. – Пойдешь?

Секундное замешательство. Мне хотелось закачать головой в ответ, проговаривая "нет" не останавливаясь, но...

– Пойду, – слова сорвались с губ.

В глазах Роберта промелькнуло еле заметное одобрение.

С силой затягивала шнурки на берцах. Сэм сидел рядом на кровати, молча облокотившись о свои ноги. Мы оба почти не переговаривались. Да и могла я ему объяснить, почему согласилась на эту авантюру, сама до конца не понимая? Хотя, где-то подсознательно знала – любая попытка что-то сделать, быть полезной, позволяла оставаться уверенной в нахождении среди военных. Сейчас мне страшно было бы оказаться одной лицом к лицу с переменившимся миром. С "Горгоной" спокойнее.

Кровь стучала в ушах набатом. Поднялась, оправляя фут-

болку. Я согласилась идти, пытаясь переступить через оглушающий страх – чтобы подавить его, подчинить; чтобы доказать, что и вылазка мне под силу. Чтобы... Не знаю. Не хотела идти. Боялась до смерти, до онемения кончиков пальцев. Но согласилась, потому что где-то в глубине души знала, что не могла поступить иначе.

Конечно, откажись я, Сборт и не сказал бы собирать скромные пожитки и идти прочь. Но я была обязана горгоновцам, и они были нужны мне, а потому следовало показать командиру свою заинтересованность и готовность работать. К тому же, и сама не смогла бы простить себе трусости.

С улицы доносилось редкое умиротворенное пение птиц. Небо, такое чистое и ясное ночью и на рассвете, стали медленно укутывать тучи. Даже не верилось: последние дни погода почти не менялась, стояла солнечная жара, ни тучки, ни ветра. Хотя, может оно и к лучшему: во время нашей "прогулке" солнце будет не так зверски палить.

Окинула взглядом большую комнату, заставленную кроватями и захламленную вещами. Почти ни у кого не возникало желания располагаться в комнатах самостоятельно, оставаться один на один со своими мыслями и ночными кошмарами. Когда народу в комнате находилось много, каждый чувствовал себя чуть комфортнее, а когда не мог уснуть, знал: точно найдется еще один полуночник, готовый разговаривать с тобой, пока не сломит сон.

Кроме кроватей одиноко стоял потрепанный кожаный ди-

ван (наподобие того, что располагался внизу) у противоположной стены. Его забрал в собственность Льюис; в разложенном виде это спальное место – почти царская ложа.

– Уверена в решении идти? – осторожно спросил Сэм. Я бросила на него короткий взгляд и нетвердо кивнула. Он качнул головой, – как знаешь... Я волнуюсь за тебя, Штеф.

– Знаю.

– Я всё равно это не одобряю. Ты любишь усложнять себе жизнь и рисковать, когда можно этого избежать, – он вздохнул, сжимая и зажимая кулаки: нервничал. – Будь осторожна.

– Как всегда, – натянула на лицо улыбку. – Тем более, я же не одна иду... – с секунду подумала, затем набрала в грудь побольше воздуха, наконец решаясь впервые за долгое время откровенно высказаться Дорту. Я никогда не отличалась особой тягой к откровенности, но последние недели совершенно закрылась (да и было ли время разговаривать и делиться сомнениями и страхами, нужно ли было лишний раз напоминать о случившемся?). После выстрела и вовсе не разговаривала с Сэмом должным образом, хотя видела, как он терзается от моего мучительно-болезненного состояния. – Сэм, ты ведь знаешь, что я должна пойти с горгоновцами. Мы оба знаем, что...

Но откровенному разговору сейчас не было суждено состояться. Раздался короткий стук в дверь. "Шайер, ребята собраны, – хрипловатый голос Льюиса. – Роберт дал добро

на выход по готовности, так что поторопись".

Переглянулась с Сэмом, тот тяжело выдохнул, встал. Я подхватила с кровати рюкзак – перманентное состояние готовности сорваться с места выражалось даже в постоянно собранных вещах, – и клетчатую рубашку, которую мне отдал Михаэль. Трудности с одеждой – меньшая из проблем, но когда у тебя на все единственный комплект одежды – веселее не становится. У меня были берцы и темно-болотные военные штаны, ранее принадлежавшие горгоновцу, майка, кожаная куртка, да эта рубашка. Поживиться хотя бы какими-то тряпками у кого-нибудь из группы тоже представлялось невозможным: каждый горгоновец располагал одним комплектом в носку и одним запасным, но, даже поделись они со мной чем-то, вещи мужчин мне были велики, а комплекты Сары – малы. Теплые куртки и вовсе дефицитный предмет, и, если становилось прохладнее, большая часть группы куталась в пледы, и всем приходилось обходиться тем, что попадалось под руку (первым делом горгоновцы кутали Сару и меня, почти заботливо следя за тем, чтобы "единственные девушки в их коллективе не продрогли"). Так что жаловаться даже на кожанку не приходилось.

С Сэмом поспешно вышли из комнаты. Льюис, облокотившийся о противоположную двери стену, красноречиво глянул сначала на Дорта, затем на меня. Сэм юркнул вперед, оставляя нас с горгоновцем один на один.

– Смело и безрассудно, – фыркнул Крис, на что лишь по-

жала плечами. – Я почти не удивлен.

– Действую по твоей схеме, – мужчина вскользь усмехнулся, затем посерьезнел.

– Оружие взяла? Не смотри на меня так, Шайер, – скрипел, когда я глянула на него ни то с мольбой и отчаяньем, ни то со злостью и пренебрежением. – Я прекрасно знаю, и что ты чувствуешь, и что хочешь мне сказать.

– Серьезно? – вздернула брови. – Ты прекрасно знаешь? – Льюис посмотрел на меня чуть исподлобья, сжав губы в тонкую нить.

– Хочешь поговорить об этом? Поговорим. Но позже. Сейчас вылазка, и ты должна быть с оружием, – твердо и спокойно ответил. С секунду помедлив, раскрыла перед ним рюкзак. На самом верху лежало два пистолета. – Только лучше держать его поближе. Так, чисто для страховки.

– И какой лучше? – почти неслышно спросила, и голос мой был полон безнадежности. Еще немного, и, казалось, я просто расплачусь; но так лишь казалось, ведь, несмотря на тихий дрожащий голос, внутри меня царило пугающее холодное спокойствие. Поначалу я оправдывала его выгоранием, притупившим сильные эмоции; правда крылась глубже.

Льюис отпрянул от стены, делая пару шагов ко мне навстречу.

– Ты же не отстреливать зараженных собралась, аки снайпер, – более добродушно хмыкнул мужчина. – Бери тот, что тихий. Если есть возможность не стрелять – не стреляй. Если

нужно бежать – беги, – голос Криса стал глуше, почти шуршащим. – Если стреляешь, всегда считай оставшиеся пули. *Всегда*, Шайер, – он предельно серьезно заглянул в мои глаза. Только сейчас осознала, во что ввязалась.

– Я справлюсь, – хрипло ответила. Льюис ухмыльнулся уголком губ.

– Я знаю, – и мужчина махнул головой в сторону лестницы. Я выудила пистолет, убрала его за пояс штанов, и, уже направляясь вперед, наспех застегнула и надела на плечи рюкзак. – Рацию не забыла?

– В рюкзаке, но включать не буду, – бросила взгляд на Криса через плечо, обгоняя его на спуске, – Норман или Сара будут на связи, незачем всем тратить заряд аккумулятора, – мужчина довольно кивнул.

Вышли на улицу. Рядом со Стэном стояли две объемные тачки, наполненные пустыми канистрами. Там же валялись и сумки для провизии или других полезных вещей. Роберт дал последние напутствия. Часам примерно к девяти вечера мы были должны вернуться. Все еще раз перепроверились. Затем Норман и Стэн взяли по тачке, я ближе подошла к Саре, курирующей вылазку. Стивен открыл двери, выпуская нас наружу. Я глянула на Сэма. Тот оставался серьезным и откровенно взволнованным. Потом бросила взгляд на Льюиса. Горгоновец шутливо отдал честь двумя пальцами. Посмотрела на Роберта, и он в ответ мне чуть улыбнулся. Почему-то показалось, что Сборт единственный из той трои-

цы не беспокоился за меня, ибо был уверен, что справлюсь абсолютно со всем. Уголки моих губ чуть дрогнули наверх, и через пару секунд железная дверь во внутренний двор со скрежетом закрылась.

Отвернулась, сдавленно выдыхая и прикрывая на мгновение глаза. Прохладный невесомый ветерок пригонял запах сырости; мы всё ещё лелеяли надежду, что обойдется без дождя. Сейчас он – максимально некстати, хотя легкая передышка после долгой недели испепеляющей жары пошла бы всем на пользу.

Грузные грозовые тучи неспешно плыли в высоте.

– Ну-с, вперед, – бодро проговорил Норман, – погнались.

Стэн улюлюкнул, Сара весело со мной переглянулась, и наша четверка двинулась вперед. Тарэн и Роудез тащили за собой тележки, те поскрипывали и постукивали, становясь главных объектов нашего всеобщего негодования.

Предстояла долгая дорога и, впрочем-то, пасмурная погода нам благоволила. Я боялась представить, как можно пройти шестьдесят километров под палящими лучами солнца. Пока мы передвигались через лес, это не ощущалось бы столь ужасно, но ведь большая часть пути отводилась на трассу, а там кроме прямых лучей еще и жар от асфальта. Я успокаивала и подбадривала себя, обдумывая, что наш путь мог быть еще трудней, чем сейчас.

До самого леса шли молча. Тишину разбавлял только налетающий ветер, да трещащие тачки.

– Начинает парить, – задумчиво поговорила Сара, подняв голову кверху, – надеюсь, под дождь мы все-таки не попадём. Постараемся управиться поскорее, а потому не надейтесь на перекуры, котики.

– Кто бы сомневался, – Роудез хохотнул, – мы даже если помирать будем от усталости, ты все равно потащишь нас вперёд.

– Не возмущайся, Норман, – сладко протянула девушка в ответ ему, – иначе будешь тащить обе заполненные тачки.

– Дружище, возмущайся побольше, – расплылся в улыбке Стэн.

Напряженное молчание разбито, волнения спугнуты настроением горгоновцев.

Мне нравились горгоновцы. Несмотря ни на что. Несмотря на их приближенность Трем. Несмотря на пугающие байки об этой группе. Несмотря на неоднозначную репутацию. Я и в мыслях не могла представить, что жизненная дорожка столкнет меня с "Горгоной", и уж тем более – поставит плечом к плечу.

Хотя, никакой проницательности и понимания людей не хватило бы, чтобы понять досконально каждого из горгоновцев. А, быть может, мне пока только так казалось, в силу всего того безумия, которое постоянно царило вокруг нас. Кто знает, как в привычных спокойных условиях я воспринимала бы этих военных. Но то, что "Горгона" обладала какой-то особой душой, особенной философией, было неоспоримо.

И эту душу мне очень хотелось понять.

Мы пробирались сквозь лесную дорогу. Впереди брезжил просвет приближающегося шоссе. Солнце то пряталось за облаками, то вновь проглядывало, делая зеленые листья над нами позолоченными. Температура вполне комфортна для передвижения; мои утренние волнения о вылазке теперь казались надуманными и преувеличенными. Прошедшие полтора часа ходьбы прошли почти незаметно и вполне легко под шутки Нормана, иногда доходящие до абсурда и находящиеся на грани приличия и морали. Сара перешучивалась вместе с ним, порой и мне доводилось "доработать" какую-то из баек Роудеза. Стэн тоже посмеивался, вспоминая забавные бравые истории из отпускной жизни горгоновцев. В общем, временами нас захватывал гомерический гогот, который мы были не в силах сдержать – смех эхом разносился по лесу, и даже появившись откуда-то зараженные, мы бы так и продолжили задыхаться истерическим смехом (может, это действительно работала своего рода самозащита истощенного организма, старающегося искусственно привести эмоциональное состояние в баланс).

За нашими спинами осталась база, река; теперь почти миновали лес.

Где-то глубоко в душе я понимала: чем грубее были наши шутки, чем громче мы смеялись (закрывая, при этом, рты,

чтобы хотя бы создать иллюзию нашего "бесшумного" передвижения), тем больше старались отогнать неприятный и липкий страх. Каждый помнил о том, что находился в опасности; но мы *заставляли* себя не думать об этом. *Заставляли* себя отгонять пугающие мысли, и не пытаться в каждой тени и в каждом шорохе видеть то, что могло нас убить. Правильно это было или нет, я не знаю. Но, уверена, не делай мы этого, дорога стала бы еще дольше и тяжелее.

Наконец пересекли последние заросли, оставляя за спинами темнеющие кусты и деревья. Вышли на широкую асфальтированную дорогу; дальше нее стелились бесконечные просторы с редкими кустарниками и одинокими деревьями. Где-то у горизонта по ту сторону виднелись еще леса, далекие-далекие трубы, очертания которых пропадали ни то в облаках, ни то в дымке...

Парило. Над нагретой землей переливался и струился воздух. Знойное марево окутало и лес.

Повернули по шоссе вперед. Дорога почти не петляла, по крайней мере до заправки с магазином, но была немного холмиста – один из спусков круто уходил вниз, затем вновь поднимался, и уже ровной полосой дорога стелилась дальше. Там, почти у горизонта, виднелись линии закрытых рабочих станций – своеобразных муравейников, "купольные городки" – люди обычно работали там и жили, без возможности покинуть "закрытые прозрачным колпаком селения"; запрету подвергались и попытки в такие городки попасть. В этих

местах функционировали различные конструкторские бюро, научные центры, значимые объекты военно-промышленного комплекса. "Купольные городки" тоже стали определенным символом власти Трех.

Дальше линий станции – голубые ломаные очертания далекой горной цепи. Шоссе там начинало змеиться серпантинном.

Сара посмотрела на наручные часы. Перерыва не дала, сказав, что сделаем остановку не раньше, чем через полчаса.

Продолжили путь. Тачки стали меньше греметь (асфальт все же куда ровнее лесной накатанной дороги), а нам самим стало еще жарче и душнее. От дороги нещадно парило, и даже в те минуты, когда солнце пряталось за тучи, легче не становилось. Помня о правиле "чем больше пьешь, тем больше хочется", я старалась лишь немного промочить горло и пересыхающие губы. Вновь замолчали, посматривая то на темнеющий по правой стороне лес, зловеще наблюдающий за каждым нашим шагом, то назад, словно ощущая на своей спине чей-то пристальный взгляд.

Сон тревожный, поверхностный; когда машина вдруг останавливается, я сразу приоткрываю глаза, всматриваясь в темноту ночи.

*Широкая река. Арочный мост. Заграждения, перекрывающие дорогу. Рядом с ними таможенный пост. Роберт, осматривающий тросовое ограждение, дает указание жес-
том.*

Слышу, как Льюис шумно выдыхает, выходя из машины, и сама спешно скидываю плед, — ночь не по-летнему холодная, — на секунду мешкаю, но затем тоже распахиваю дверь.

На улице промозгло. Ночь темная, безветренная. Нарастающая луна затянута пепельными облаками. Оглядываюсь — холмы поросли низким кустарником, усыпанным мелкими белыми цветами, яркими точками виднеющимися за пределами трассы. Широкая река, похожая на разлившуюся нефть, бездвигна и нема: ее очертания теряются во тьме горизонта.

Верчу головой, всматриваясь во мрак ночи, — боюсь, что кто-то из этой темноты всматривается в меня. Пристальным взглядом следит за каждым моим движением; ждёт, когда отвернусь, когда потеряю на мгновение бдительность...

Но вокруг пусто. Безмолвный пейзаж. Оставленный таможенный блокпост. Кроме меня, да Роберта с Крисом больше никого на улице нет. Поздняя ночь, пахнущая землей, что целый день погибала под палящими солнечными лучами, да теми белыми цветочками; Сэм и все горгоновцы спят (кроме, конечно, водителей).

—..да, конструкция полуавтоматическая, — доносится до меня голос Роберта; он почти философски относится к ставшей постоянной потере времени при пересечении КПП. Местами мы завязали на многие часы, порой тратя целый день, чтобы проехать очередную пограничную черту. Когда

зараженные (да и эвакуирующиеся) хлынули потоком, большую часть барьеров заблокировали. Благо, здесь нам хотя бы не приходится прорываться через сотни машин. – Вон тот участок открывали дистанционно на посту; давнишняя установка, такие хлипкие уже лет семь как не ставят, так что, считай, нас силы свыше по этой дороге повели. Конечно, автоматизировано мы сейчас проезд не откроем, но стойки не забетонированные, да и внутри полые.

– Думаешь, получится снести?

Роберт неоднозначно пожимает плечами.

– Думаю, что есть ручной рычаг. Так будет проще и разумнее; непонятно, насколько прочными окажутся сами тросы. Мы, вроде, никуда не торопимся, можно осмотреть КПП. Там и рычаг найдем, и будет очень неплохо, если что-нибудь из боеприпасов попадется.

– Я могу пойти с вами? – выпаливаю сразу, и горгоновцы недоуменно оборачиваются ко мне. – Если, конечно, там никого нет, будет чисто, и я не помешаю, – проговариваю все так же скороговоркой. – Мне никогда еще не доводилось проникать внутрь таможенного поста, посмотреть, как он организован изнутри. К тому же, может я смогу найти что-то интересное. Или полезное.

Льюис кривит губы в недовольстве, но Роберт кивком головы подзывает к себе, а когда подхожу – протягивает фонарик.

Из круговорота мыслей меня вытянуло яркое красное

пятно, показавшееся среди зарослей кустарников и низеньких деревьев.

– Машина Марка, – первым проговорил Норман. Он переглянулся с нами и ускорил шаг.

Схваченное напускное спокойствие сошло на нет. Можно было сколько угодно выстраивать крепостные стены замка из облаков, да только таяли они от любого соприкосновения с реальностью; и красная груда металла, показавшаяся перед нами, напомнила о действительности происходящего.

Глазам предстала жуткая картина: смятая разбитая машина, капот которой превратился в гармошку металла. От лобового стекла остались только кровавые осколки. Я остановилась в нерешительности, не в силах сделать следующий шаг. Внутри скрутило живот от волнения. Ни Марка, ни девушки уже не было в живых. И так странно (даже болезненно) столкнуться с тем, что напоминало о последних их минутах. Чужие, абсолютно чужие мне люди, но я буквально ощутила их страх и панику, ощущение их потерянности и отчаяния, перехватывающего дыхание. Представила, сама того не желая, последние секунды перед обращением девушки, перед столкновением с деревом.

Она ведь понимала, что происходящее с ней не просто недомогание? Она ведь чувствовала, что в затылок ей дышала смерть? И, уверена, она до безумия хотела жить. До безумия боялась.

Я опустила глаза и сильнее вцепилась в лямки рюкзака.

На глаза накатились слезы.

– Штефани, – Норман тронул за плечо. Я дрогнула. Совершенно не заметила, как подошел горгоновец. Постаралась улыбнуться ему, кивнула.

Стэн в это время оставил тачку на дороге, а сам поспешно спустился к машине. Сара шла следом за ним, поднеся руку к кобуре. Тарэн ударил по открытой двери машины, чтобы та распахнулась настежь. Затем, приложив немалые усилия, поднял заклинивший багажник.

Ни внутри салона, ни внутри багажника ничего не было.

– Рваные шмотки; ими только костер развести, – констатировал Стэн, похлопав по машине.

– А что по бензину? Есть что слить? – нахмурился Норман. – Шланг с собой.

– Марк сразу обмолвился, что бензина у него совсем немного оставалось, – покачал головой Тарэн. – Если литра три здесь будет, то уже хорошо.

– Посмотри, может, у него есть пустые бутылки, – проговорила Сара, сама заглядывая внутрь салона, – можно в них слить, три литра это уже что-то... О, а вот и газировка, – она вытянула полупустую бутылку с яркой оранжевой жидкостью.

– К тому же, – выдавила я, – тряпки есть, бензин есть – вот уже готовый костер. Да и, если прикинуть, тех же трех литров должно километров на двадцать хватить? Сколько ваши машины точно топлива едят? Шестнадцать на сто, да?

Даже издалека увидела нескрываемое удивление на лице Стэна. Лицо Норман расплылось в довольной улыбке.

– Шайер, – сказал он, имитируя интонацию Льюиса, – да ты не так проста, как кажешься, – Роудез давил лыбу во все тридцать два, а я неуверенно покосилась на Сару. Та тоже улыбалась, а затем коротко кивнула Тарэну, махнув рукой. Еще через пару секунд была обнаружена еще одна пятилитровая бутылка с остатками воды.

Сара выудила откуда-то большой черный пакет и бесцеремонно начала закидывать туда наспех брошенные в багажник одежды; остатки газировки и воды незамедлительно слиты Стэном. К нашему счастью заливная горловина топливного бака была без замка, и Норман с легкостью ее открыл. Роудез опустил один конец шланга в бензобак, а второй плотно обхватил губами. Резко потянул воздух и мгновенно опустил этот конец в бутылку.

– Сразу с собой возьмем, – Стэн глянул на Сару, – или на обратном пути?

– Зараженным ни бензин, ни тряпки не нужны, – качнула головой девушка в ответ, – а живые не будут копаться в разбитой машине, когда в поле видимости заправка с магазином. Оставим в багажнике и заберем, когда будем возвращаться.

Норман отряхнул шланг, забросив его затем в тачку. Бутылку с бензином крепко закрутили и положили вместе с вещами. Багажник захлопнули, оглянулись по сторонам. Я еще

раз украдкой посмотрела на выбитое стекло и потемневшие остатки засохшей крови.

Слова Роберта "слезы нужно оставить позади" и "не смей отчаиваться" Льюиса холодно и несколько грубовато прозвучали в голове. Пospешно поднялась на дорогу вслед за горгоновцами, глубоко вдохнула, прислушиваясь к тишине.

На секунду солнце показалось из-за туч, а сильный поток ветра пронесся в верхушках деревьев. Зашелестели листья неразличимым шепотом.

Нужно идти дальше. И мы пошли. Большая часть пути осталась впереди, не говоря о том, что потом следовало возвращаться. Почему-то для меня пока не существовало обратной дороги. Была только точка "А" – вперед, ни шагу назад, ни лишней мысли.

Вновь заговорили о пустом. Незаметно речь перешла к самой "Горгоне". Спрашивать деликатные вещи напрямик я пока не решалась, да и не знала, с чего следовало начать. Горгоновцы удивительным образом сочетали в себе две ипостаси: с одной стороны, как когда-то выразился Сэм, были безликими тенями, сокрытыми именем своей группы, с другой – именно они являлись военной элитой, не раз вершившей исход сражений и поворотных моментов. Не стоило забывать, что первые Трое укрепились у власти именно благодаря поддержке "Горгоны" (вернее сказать, ее прародителю – Серпенсариевской гвардии); развязка того переворота предreshилась и армией, и церковью, но последний гвоздь

забил командир горгоновцев. Безымянный. Как и прочие. Даже настолько значимое и переломное событие не внесло имен "Горгоны" в историю.

Вникать в систему и идеологию, действующую внутри группы, было тяжело и непонятно. Иногда казалось, что горгоновцы иррациональны в своей вере в командира, в почти благоговейном отношении к своему званию, в слепом следовании неписанных правил и обычаев. Но они буквально жили этой группой. "Горгона" жила в каждом из них.

О прошлом каждого горгоновца знал один лишь командир. Если кто-то хотел, он мог поделиться своей историей, рассказать о каких-то событиях собственной жизни, но обычно сами горгоновцы предпочитали молчать. Всё с чистого листа, и вступление в "Горгону" не просто как новая глава или этап – это новое рождение, новая жизнь. Единственный человек из нынешнего состава, о прошлом которого и сами горгоновцы хотя бы что-то знали, был Михаэль. Собственно, что рассказано без тайны, то имеет право на оглашение, а потому Норман рассказал о том, что Боур – потомственный медик. И его отец, и его дед, и его прадед – все трудились и преуспевали в медицине. Только они больший упор делали на научную деятельность, а Михаэль предпочел практику, да и к тому же выбрал себе призвание военного врача (что не сильно-то одобрили отец с дедом). С самого детства Боур изучал анатомию, читал врачебные труды и присутствовал на операциях и осмотрах (даже без своего

на то желания; его "учителя" постоянно водили его наблюдать медпрактику: работу врача, операционного блока; когда стал постарше – ассистировать). То, что сейчас Михаэль мог почти всё – начиная от осмотра зубов, заканчивая сложными хирургическими вмешательствами, – было результатом нескончаемого обучения и бесконечной практики. Он много раз вытаскивал горгоновцев с того света (Норман даже заикнулся, что однажды Михаэль смог спасти полумертвого Лююиса, которого "Горгон" еле вызволила из плена; особенно подробно Роудез не рассказал – его с силой пихнула в бок Сара, видимо зная, что Крис не захотел бы распространения этой "конфиденциальной" информации). Но все заслуги Михаэля меркли для его требовательного и деспотичного деда (и не менее требовательного и деспотичного отца). Конечно, горгоновцы не знали деталей, почему разладились отношения Боура с родными окончательно: известно было, что от него буквально отреклись, запретив ему возвращаться в родной дом, пока он носит звание горгоновца... Но Михаэль выбрал "Горгону". И изменил настоящую фамилию на укороченную и измененную: "Боур".

Почему Лююис позволяет себе обращаться к Михаэлю "Миха" я спросить не рискнула; но все же собрала волю в кулак и решила узнать, откуда у Нормана взялся шрам, пересекающий правую бровь.

Оказалось, случилось это примерно во время первой годовщины Роудеза, как горгоновца: был очередной выезд в

горячую точку (подробности мне, конечно, не рассказывали; старались избегать конкретики, и в основном рассказ не выходил за пределы главных действующих лиц, но по проскальзывающим описаниям местности и климата, а также соотнося этот рассказ с историей появления фирменной Нормановской фляжки, можно было понять: боевые действия велись на территории Холодного штиля). Ближе к ночи, противник "Горгоны" внезапно пошел в самоубийственную и безрассудную атаку. Горгоновцев отбросили от командного пункта, где оставалось два укрепленных взвода государственной армии, и оттеснили к руинам древнего города. Сара живописно рассказывала, как в ночи от выстрелов и взрывов вздымалась земля и песок, и полуразрушенные колонны и стены дрожали. "Артиллерии было так много, что беспросветной до обстрела ночью стало светло, как днем". А потом недалеко от Нормана подорвали грузовик со снарядами. Ударной волной его отбросило в сторону, и пара (всего лишь!) обломков задела Роудеза, чудом лишь нанеся раны только средней тяжести. Не меньшим чудом было и то, что мужчина не лишился глаза. Осколок рассек лоб, бровь, немного щеку. Нормана, почти без сознания, всего в кровище, вытаскивали из-под прямого огня Карани с Льюисом. Когда Роудез пришел в норму, то обнаружил шрам, разрывающий бровь и тянущийся еще выше сантиметра на три. Сейчас, конечно, он стал менее выраженным, но бровь так и осталась поделенной – такая мелочь, по сравнению с тем, что горгоновец мог не просто

потерять глаз, но погибнуть.

– Так знаешь, как меня утешала Сара, когда у меня вся рожа в кровище была? – возмущался Норман, – "не переживай, солнышко, если что, я научу тебя рисовать брови"! – Сара прыснула со смеха, пытаясь тут же принять серьезное выражение лица. Я и сама силилась не заулыбаться. – Охереть не встать! Я уже на тот свет собирался, думал, всё – ка-бзда! Время помирать, готовьте за упокой! А она меня успокаивала, что шрам небольшим будет! Штеф, ты бы меня тогда видела, меня будто в таз с кровищей опустили, а она про бровь мою думала!

Настроение вновь улучшилось. Возмущения Нормана напроць отбивали мысли и о машине Марка, и о том, что идти до заправки еще долго.

– У нас было два счастливчика в группе: Норман, который постоянно влипал в передряги, собрал наибольшее количество нелепых ранений, и раз в пару месяцев стандартно оказывался на больничной койке, и... – Стэн, еще секунду назад улыбающийся, болезненно скривился, – Чарльз, – имя тяжело сорвалось с губ Тарэна; он впервые упомянул брата за всё время, – которой ни разу не был ранен.

Стали спускаться по склону. Солнце уже почти не показывалось из-за туч; на улице стояла нестерпимая духота, воздух казался раскаленным, и от каждого вдоха лишь сильнее кружилась голова. Казалось, что мы шли бесконечно. Норман вез тачку то впереди себя, то за собой. Стэн тоже не осо-

бо был рад грохочущей "груде металлолома". Вдруг в моей голове мелькнула одна мысль – возможно, она появилась из-за жары, быть может, из-за напряжения, которое продолжало сидеть в ожидании чего-то ужасающего где-то под сердцем и натягивать нервы в тугую струну, – и я еле удержалась, чтобы не засмеяться (опять же, в какой-то лихорадочно-уставшей манере). Под вопросительные взгляды горгоновцев пришлось объясниться.

– Ну, смотрите. Мы сейчас спускаемся по склону, и у нас есть пустые тачки, которые, судя по всему, килограмм шестьдесят-восемьдесят выдержат без проблем... – Норман с Сарой восторженно заулюлюкали, сразу вникнув в мою ребяческую идею. Даже Стэн добродушно усмехнулся.

– Задумка глупейшая! Здесь явно Криса не хватает, он такое "безрассудство" любит, – прыснул Роудез; Стэн при упоминании Льюиса скривился. – А впрочем, вполне неплохой вариант спуска.

– Если мы в эту "карету" сядем, то всю добычу придется тащить на руках, – усмехнулся Тарэн. – Но дамы волне могут устроить себе скоростной спуск.

– Слушай, и чего мы в таком случае ждем? – просияла Сара, а я до сих пор не могла принять, что мои слова восприняли серьезно. Однако Карани и не думала оставлять задуманное. – Да брось, мы ничего не теряем и ни чем не рискуем: спуск не крутой, а у тачек крупные устойчивые колеса. Спустимся быстро, сможем отдохнуть, пока эти двое плестись

будут, – я мешкала, но запал Сары был заразителен, а потому идея становилась всё заманчивее. – Давай, соглашайся, Штеф. Немного ребячества нам не повредит.

И я согласилась. Просто была уверена, что должна сделать это: Сара восторженно запищала, а Норман со Стэном помогли нам забраться в скрипящие корытца на колесиках. Я вцепилась до побелевших костяшек в бортики тачки и, переглянувшись с Карани, выдохнула спокойнее, не замечая, как брови сдвинулись у переносицы, а уголки губ дернулись вверх.

– Готовы? – коротко спросил Стэн, и под наше синхронное "да!" нас толкнули вперед.

Охнула. Ветер ударил в лицо, тачка с грохотом понеслась вниз – казалось, что мы летим по воздуху, оторвавшись от асфальта, – я все ждала, когда перевернусь, упаду... Но тачка, сделав внизу небольшой поворот в сторону, остановилась. Из-за шума в ушах смех Сары казался приглушенным и далеким. Лихой спуск занял пару секунд; я, в каком-то потерянном состоянии откинула голову назад, смотря на серое небо, на тучи, очерченные золотым ореолом солнечных лучей, и, остро ощущая собственное сердцебиение, пыталась поверить, что все это взаправду, что жива по-настоящему.

Прошло больше четырех часов с того момента ухода с базы. Сара единожды связалась с Робертом, дабы доложить обстановку. Небо полностью затянули тучи, периоды нестерпи-

мой духоты сменялись холодным промозглым ветром, пробирающим до костей – сомнений в грядущей буре не было.

Ноги стали тяжелыми. Спина перестала ощущаться – один сплошной комок тягучей боли; полупустой рюкзак казался сделанным из осмия, тянул вниз, врезаясь в кожу плеч нестерпимой ношей; я чувствовала себя Атлантом, удерживающим небосвод.

Молчали. Даже Сара, подбадривающая нас каждые полчаса, притихла, понутив голову и вцепившись в лямки рюкзака.

Солнце не показывалось из-за туч и еле заметным отблеском среди дымки облаков зависло где-то над нашими головами. Вид близящейся заправки придавал сил для последующего шага – цель близка; о предстоящем пути назад, отяжеленным грузом, лучше вовсе не думать.

Потеряла счет и ощущение времени. Шла, потупив взгляд под ноги и теряясь в собственных мыслях, а потому была крайне удивлена, когда мы оказались у места нашего назначения.

Сара подняла руку, делая несколько шагов вперед. Заправка, одинокая машина с раскрытыми дверьми, разложившееся тело поодаль... Я поспешно отвернулась, давя рвотный рефлекс. Кислота подступила к горлу, перед глазами мелькали картинки, воспоминания, одно хуже другого. Стэн взял меня за плечо, потянул за собой. Сара, держа пистолет перед собой, медленно продвигалась вперед.

Я подняла глаза к небу, замерла на мгновение – птица пронеслась совсем низко над землей и скрылась в дымке облаков. Не прошло и пары секунд, как мне на лицо упало несколько капель дождя. Затем еще и еще... Заморосил мелкий теплый дождик. Все затихло на долю секунды, а затем раздался далекий рокочущий раскат грома.

Горло сжал болезненный спазм, в глазах стало горячо, и пелена слез заволокла – в сознании ярким кровавым пятном вспыхнула ночь в Четырнадцатом, апокалипсическая буря и начало всего этого кошмара; не знаю, почему в ту секунду мысли вернули меня в самое начало. После той ночи и грозы был, и гром был, но оголенные нервы среагировали на триггер именно тогда, у заправки. Тело откликнулась каждой частичкой, и внезапная усталость обуяла, почти сбивая с ног. Вся тяжесть стянулась в районе солнечного сплетения, и затем рухнула вниз, придавливая к земле. Хотелось лечь прямо здесь, прямо на асфальт, прямо под начинающимся дождем; но горгоновцы уже подходили к придорожному магазинчику, и нужно было поспеть за ними.

Сама вызвалась идти. Сама пошла. Никто не заставлял. Ныть, жаловаться или жалеть себя непозволительно. Роберт сказал как-то: "если ты заранее даешь себе установку, что не справишься, даже не берись что-либо делать". Но я подобную установку себе не давала. Никогда. Если уж бороться, то до последнего.

Нащупала за поясом пистолет и бросилась вслед за горго-

новцами. Не смотря вокруг себя. Только вперед.

Тучи опускались все ниже, на улице темнело; внутри небольшого магазинчика все быстро погрузилось в голубой полумрак. Небольшой хаос: полки перевернуты, разбита витрина. Хвала Небесам – без видимых следов борьбы. И крови не было.

Карани несколько раз ударила по ближайшему стеллажу, и эхо металла расплзлось по помещению, зазвенев в далеких углах протяжным стоном. Горгоновцы держали оружие наготове, и я, сама того не замечая, сильнее сжала пистолет обеими руками, чуть приподнимая дуло от пола; не обратила внимания на то, что чуть согнула ноги в коленях, что стала полубоком – так обычно делал Льюис, идущий на осмотр, – а когда заметила, лишь усмехнулась, качнув головой. Бессознательно скопировала движение, чтобы чувствовать себя увереннее, чтобы выглядеть увереннее. Или чтобы сорваться прочь без промедлений – "бей или беги".

– Вроде чисто, – Сара ловко выудила фонарик и, прислонив его к пистолету, сделала еще несколько шагов вглубь магазинчика. Затем резко опустилась, заглядывая под стеллажи; движения ее были отточенными, быстрыми, но плавными. – Так, котики, работаем в темпе. Стэн, пойдешь сливать бензин; возьмишь с собой Штеф, – Карани посмотрела на меня, – посмотри за округой. Мы с Норманом пройдемся по спискам Стивена.

– Принято, – проговорила я, точно не своим голосом. За-

тем спешно скинула рюкзак с плеч, подошла к Саре, протягивая ей его вместе с небольшим исписанным клочком бумажки, – если не затруднит, закинешь кое-какие вещи для меня? – девушка легко кивнула, улыбнувшись.

Вышли со Стэном из душного магазинчика, темного и откровенно жуткого – даже без литров крови и расчлененных тел менее страшно не становилось, воображение с лихвой компенсировало оглушающую пустоту достроенными монструозными сущностями. Отправиться с Тарэном на улицу за бензином – несказанное счастье и милость судьбы.

От дорожного покрытия шел жар, пахло сырым асфальтом. Дождь шел мелкий, почти водная пыль. Стэн скорым шагом направлялся к топливораздаточным колонкам, и я спешила за ним, втягивая влажный воздух носом.

Безлюдье ощущалось кожей.

– Я могу обойти заправку и магазин кругом, – бросила Тарэну, проводившему манипуляции со шлангами и канистрами, в которые я не особо-то и вникала, и тот поднял на меня глаза.

– В этом нет необходимости. Место хорошо просматривалось, пока мы сюда шли.

– Слепой участок все равно есть, разве нет?

– Журналистское любопытство играет? Хочешь еще парочку разлагающихся тел найти? – я пренебрежительно сощурилась, глядя на Стэна, но ни в голосе его, ни на лице не было ни ехидства, ни сарказма (которые обыкновенно ли-

лись из Льюиса). Тарэн словно действительно был участен к моему эмоциональному состоянию, а потому желания сосчитать в ответ не возникло (в отличие от диалогов, опять же, с Крисом, зачастую превращающихся в негласное соревнование за лучшую колкость). – Там фура на стоянке брошена, да разбитый мотоцикл. Не думаю, что найдешь что-то интересное, а опасное уже нашло бы нас само.

– Просто уточнила, – ответила, пожимая плечами.

Стэн сменил канистру. Топливо шумно заполняло вторую емкость, пока горгоновец с силой закручивал крышку на первой.

– Впрочем, – прокряхтел мужчина, – если не хочешь стоять, можешь пойти осмотреть машину, – я поморщилась, вспомнив транспортное средство и тело рядом с ним; дернула плечами рефлекторно. – Посмотри, есть ли ключ зажигания. Было бы просто отлично, если бы мы смогли на этой развалюхе хотя бы часть пути проехать.

Медлила, мучительно подробно воскрешая в памяти разложившийся труп, стремясь тем подготовить себя к созерцанию его вблизи. Видя мое замешательство, Стэн пробурчал себе под нос что-то невразумительное, затем громче сказал мне остаться и дозаполнить канистры, мол, дождь моросит, нечего промокать, да и труп я не осмотрю на наличие ключей. Он как-то взвинчено выпрямился (мне показалось, что горгоновец злится), но затем выдохнул спокойнее, подбадривающее похлопал меня по плечу и направился прочь из-

под навеса.

Первой мыслью на реакцию Стэна было: "О, Небеса и Богиня Матерь, он серьезно на меня злится?"; но махнула головой, понимая, что лишь накручиваю себя и пытаюсь увидеть то, чего нет, и приписать человеку эмоции, которых он не испытывает.

По правде говоря, значительно позже я узнаю, что в какую-то секунду Стэн в самом деле разозлился от моей заминки и нерешительности; разозлился равно до того момента, пока не поднял глаза, и не увидел перед собой меня – Шайер, – журналистку и ни разу не горгоновца, который (при всем омерзении, нежелании, страхе или неприятии) делал свою работу, до автоматизма довел поведение в определенных ситуациях и не ждал объяснения каждого необходимого к выполнению приказа.

Горгоновцы настолько привыкли быть сами по себе и сами с собой, что порой забывались, не замечали, что рядом с ними гражданские, а не боевые товарищи – мне так казалось, потому как от *меня* постоянно ждали каких-то действий, решений, со *мною* говорили жаргонизмами, шутили профессиональные шутки, и каждый раз "принимали за свою". Поначалу, слишком погруженная в мысли, анализирующая происходящее внутри себя и снаружи, я и не замечала, что с Сэмом подобных ошибок горгоновцы не допускают. Может, сам Сэм старался дистанцироваться (а отчасти так и было); может, его поведение перманентно напоминало военным об

их чисто вынужденном сотрудничестве. А может, был прав Роберт, говоривший об "особенном горгоновском духе", который (якобы) читался в моем поведении. Однако же, единственным горгоновским духом, истинно в себе ощущающим, я могла назвать лишь желание Льюиса "захлебнуться в кофе и проспать три года, не поднимаясь с кровати" – такое стремление действительно поддерживала всеми фибрами души.

Пока Стэн осматривал машину, я набрала бензин. Итого три канистры по тридцать. Тарэн после поисков обнаружил ключи от машины, зажатые в закоростенелых пальцах трупа. Я вовсе не смотрела в ту сторону – сразу подкатывала сильная тошнота, горечь заполняла рот, и голова шла кругом.

Пока мы находились в доме на поляне – минутами забывалось о происходящем вокруг. В отдельные моменты притуплялось восприятие, и, конечно, с сенсорной деривацией это не сравнишь, но сознание шалило не меньше. Действительность воспринималась странно, ужасы захлестнувшей страну эпидемии походили на галлюцинации. Отсутствие связи, замкнутое пространство, неизвестность и потерянности. Не верилось, что мы стали непосредственными участниками разворачивающегося коллапса. Не верилось, что смогли вырваться из клетки пылающих городов. Не верилось, что попали в вакуум – вокруг горело, полыхало и бомбило. А мы ждали в клетке леса божественной помощи или быстрого избавления. Ждали хотя бы чего-то.

Здесь, на заправке, и остатки самообладания как-то под-

растерялись. Накатила дрожащая паника – насколько бы ты не был хладнокровным, рациональным или стойким человеком, ужас оказывался сильнее и разрушительнее – *вокруг не разруха; вокруг смерть.*

Дождь то прекращался, то начинал. Пока Стэн погружал канистры в багажник машины, я побежала к Саре и Норману сообщить радостную новость – у нас нашлось средство передвижения. Вышли из магазинчика с переполненной тачкой, набитыми рюкзаками, несколькими пакетами и еще парой канистр с водой. Грузились быстро, поглядывая с опаской по сторонам, но абсолютно довольные добычей. Сара вновь связалась со Сбортом, сказала, что все идет по плану, даже чуть лучше.

– Хвала Небесам, что нам не придется топать пешком, – Норман захлопнул багажник. Звонким эхом разнесся хлопок по округе. Я оглянулась вслушиваясь... Дождь. – Кто поведет? – Стэн молча покрутил ключи в своих руках. Сара юркнула на переднее пассажирское сиденье, Тарэн залез на водительское место, мы с Норманом смиренно распахнули задние двери.

Стэн завел машину, мотор жалобно загудел, захрипел; автомобиль дернулся несколько раз и заглох. Тарэн грубо выругался, вновь поворачивая ключ зажигания, я обернулась к окну, смотря на засохшие кровяные потеки на стекле. Вспоминались те автомобили, которые мы встречали на трассе в бесконечные часы дороги из °22-1-20-21-14 к Старым ру-

бежам (тогда мы еще все были уверены, что сможем до Рубежей добраться, и что там нас ждет спасение). Вспоминались и клубы дыма, объявшие города и населенные пункты; и красные вспышки, озаряющие темные ночи, и грохот, сотрясающий землю, когда очередной авиаудар разбивал высотки и жилые кварталы. Багряные небеса вспоминались. И кислая вонь... Уверена, что все те дни не крик ветра, и не свист шин ударял по моим ушам – но крики и вопли тысяч и тысяч людей, оказавшихся в ловушке и молящих о спасении.

К всеобщему удивлению дверь таможенного поста оказывается заперта. Замок слишком изоциренный для такого допотопного места: Роберт вызывает Стивена, тот приходит к нам с целым набором отмычек. Никогда в жизни не видела столько разнообразных и хитроумных вскрывателей: всех форм, размеров, да исходных материалов, которые только может представить человеческий мозг. Дэвис тратит на замок не больше минуты. Деликатно вскрывает дверь, а я сама думаю о том, что, даже потеряй я ключ от сейфа Гивори, его все равно без проблем бы смогли открыть.

Да и сколько еще сейфов, замков и дверей можно вскрыть? Сколько можно узнать, в какие тайны можно забраться с такими умениями?

Видимо глаза мои слишком горят, когда наблюдаю за Стивеном, потому что Роберт по-доброму смеется, подталкивая Льюиса локтем.

Когда дверь распахивается, Стивен возвращается в ма-

шину. В таможенном домике нас встречает тьма коридора и все та же удушающая кислая вонь: на полу и стенах тянутся кровавые следы. Давно уже засохшие. В первую секунду хочу развернуться и броситься прочь; сердце стучит в горле, и руки мгновенно становятся влажными и холодными. Но Льюис с пистолетом и фонариком в руках продвигаться вперед. Следом за ним, почти даже расслабленно, следует Роберт. Достаточно тихо... И я иду следом. Холодный голубоватый круг света от моего фонарика подрагивает: на стенах развешаны информационные баннеры, напоминки, медицинские рекомендации и правила досмотра людей, багажа и машин. На одной из стен, прямо поверх агитационной иллюстрации Трех, баллончиком написано: "ЭТУ СРАНЬ УНИЧТОЖИТ ТОЛЬКО БОЛЬШАЯ ЖОПА. ДА ЗДРАВСТВУЮТ МЕРТВЫЕ, ДА ПРИДЕТ ИЗБАВЛЕНИЕ". И огромный глаз, окруженный изогнутыми переплетенными лучами, формирующими ромб по форме.

Замираю, всматриваясь в неровные буквы. Символ кажется смутно знакомым...

Когда за моей спиной раздается резкий звук, почти отпрыгиваю: оборачиваюсь, вижу Льюиса, открывающего шкафы. Роберт тоже занят осмотром полок, загороженных столами и стеллажами. Оба сосредоточены. Движения угловатые, резкие. Фонарик Льюиса лежит на столе, и белый круг света направлен на длинный коридор с закрытыми дверьми.

Никогда бы не подумала, что эти посты такие обширные внутри.

Выдыхаю сдавленно. Принимаюсь рыться в бумагах на столе: много документации таможенных перевозок, еще больше – анкет и ксерокопий удостоверений. Целыми пачками лежат пропускные бумаги (не удивительно, когда для получения единичного таможенного пропуска требовали папку из десятка подписанных и заверенных документов).

Больше чем бумаг здесь только крови. Она везде. Как на скотобойне. По стенам, по столам, на полу. Но нигде нет тел. Выпрямляюсь, вновь смотря по сторонам.

Показалось? Или из коридора действительно доносится шум?

Краем глаза вижу, как напрягается Роберт, и Крис перехватывает пистолет, прицеливаясь. Сердце ударяет по ребрам, чуть пригибаюсь, лихорадочно в голове обдумывая пути отступления.

А Льюис медленно, почти бесшумно направляется в коридор. Скрежет становится сильнее, а затем нечто начинает биться в одну из закрытых дверей – настолько резко и громко, что даже Льюис отпрыгивает в сторону, громко выругиваясь. Рычание, грохот; этих тварей ни две и ни три.

– Сукины дети, – зло выплевывает Крис, ударяя по металлической закрытой двери. Оборачивается к Роберту. – Видимо закрылись изнутри, да там и передохли. На время. А сюда, – Крис кивает еще на одну запертую комнату, –

перетаскивали трупы. Следов крови очень много, видно, как по полу волочили тела... – договорить он не успевает. Из-за угла коридора показывается полуобглоданный зараженный в форме, и только делает шаг из-за поворота, как Крис тут же стреляет. Тело валится на пол.

Внутри еще одной запертой комнаты начинается движение.

Машина загремела, зажужжала и тяжело тронулась. Я продолжала сидеть, не распахивая глаз и прокручивая в голове воспоминания, которые оставались яркими и ощутимыми даже тактильно. Передачи переключались рвано, машину каждый раз дергало. Ехали в натяг, дождь усиливался, и никто из горгоновцев не произносил ни звука. Все были погружены в собственные мысли.

Три недели назад мы были напуганы восстающими из мертвых зараженными. Две недели минуло с момента нашего шока от полыхающей вокруг страны – каждый встречающий нас город был укутан черным дымом, и нередко шум от взрывов мешался с грохотом грома. Мародеры и спасающиеся, брошенные машины, несущиеся в пропасть мрака конвои и колонны гражданских машин. Я так остро помню ту ночь, когда мы приехали к первому уцелевшему блокпосту. Помню свое искреннее удивление пустоте вокруг. Но сегодня, когда нас со всех сторон обуяла тишина и безмолвие, удивления уже не было – было тягостное предчувствие и первобытный ужас.

Когда мне хватило сил открыть глаза, увидела бледных напряженных горгоновцев. Посмотрела на себя в кусочек зеркала заднего вида – я и сама блее побелки. Когда перевела взгляд на стекло своей двери, дернулась назад – вертикальный кровавый след немного плыл под потоком стекающих капель дождя.

Не шевелилась, почти не дышала и не моргала. Пейзаж проносился за окном мутным грязным пятном, и только стекающие потоки дождя, окрасившиеся в красный, акцентировали все мое внимание.

Капли бились о лобовое стекло. Дождь усиливался, ударял в крышу грохочущей машины. Стеклоочистители не успевали работать.

– Все в порядке? – наконец раздался голос Сары. Ей никто не ответил, просто каждый кивнул, скорее даже для самого себя. – Ливень спустился. Стэн, будь осторожнее, и... Не забудь остановиться у машины Марка.

Тарэн не забыл. Притормозил. Норман, прикрываясь от ливня рукой, забрал отложенные вещи. И, хотя Роудез выскочил на улицу буквально на минуту, обратно в машину он вернулся изрядно промокший. Вода стекала по его лицу, темные постоянно взъерошенные волосы липли ко лбу и вискам.

Не знаю, через какое время съехали на лесную дорогу. Из-за мутной стены дождя было сложно различить пейзаж; я поняла, что мы свернули только благодаря тому, что машину

начало немного подзаносить на вязкой грязи. Впереди оставались поваленные на дорогу деревья – достаточно серьезный участок пути нам все равно придется пройти пешком. Под этой стеной дождя. Грузженными нашей добычей.

– Ох, только бы не забуксовать... – протянул себе под нос Тарэн.

– Стэн! – рывкнули Норман с Сарой в унисон, от чего я дрогнула. Тарэн смерил продолжавшую бурчать Сару недовольным взглядом. Норман на это со всей силы ударил по сиденью водителя боковой стороной кулака. Я зажмурилась, ожидая ответного всплеска эмоций, но... Ничего не произошло. Каждый промолчал. Не до ругни тогда было. Машину кидало из стороны в сторону, дождь не прекращался, а шум стеклоочистителей бил по оголенным нервам. Не выключи Сара рацию на "немое время", Сборт наверняка уже десяток раз попытался бы связаться.

Мы миновали опасные ямистые участки, сокрытые толщей воды – реки разливанные. Первая серьезная выбоина должна была ждать нас позже, но внезапно машина будто провалилась. Нас круто дернуло, зад резко повело в сторону. Мотор зарычал и заглох. Тарэн грубо выругался, завел машину вновь. Брызги грязи полетели в стороны, машину качало и трясло, но с места она больше не сдвинулась.

Дернулись. Еще раз. Опять и опять Стэн вдавливал педаль газа. Грязь, облипающую стекла, тут же смывало плотным потоком дождя.

– Сука... – Стэн ударил по рулю. – Завязли, твою мать...

– Не нужно было под руку говорить, – устало, со скрытой пассивной агрессией процедил Норман.

– Толкать нужно, – примирительно проговорила Сара.

– Судя по тому, сколько грязищи я вижу, меня одного мало будет, – профырчал Норман, за что Карани смерила его пренебрежительным взглядом.

– Мне предлагаешь выйти? Или за руль сесть?

– Да брось, газануть ты сможешь, – осторожно поддакнул Роудезу Стэн, – здесь особых навыков не нужно. А мы с Норманом толкнем.

– Не сяду, – твердо повторила Сара, скрестив руки на груди. Я смотрела на ее очерченный светлый профиль, особенно остро выделяющийся в темноте машины и улицы. Несмотря на твердость голоса, на лице ее читалось волнение.

– Я могу сесть за руль, – сказала я. – У меня есть права, – зачем-то добавила.

– Делайте рокировку быстро, – махнула рукой Карани без лишних вопросов.

Я замешкала в первую секунду от сюрреалистичности. Странное чувство: в один момент кажется, что так не должно происходить, но именно так и должно быть. На мгновение я ощутила себя *частью* "Горгоны". Не поняла, когда выскочила на улицу. Почувствовала только, как топкая грязь затягивала по щиколотку – ноги практически не слушались, – холодный дождь на своей коже, дурманящий запах сырости.

Не поняла, когда вновь села в машину. Механически убрала липнувшие волосы с лица. Руку – на коробку передач. Ноги на педали. Глянула в зеркало заднего – Норман и Стэн уперлись руками о машину. "Давай", – голос Сары где-то на грани сознания. Газ. Толчок. Еще раз. И еще... Брызги грязи летели во все стороны. Машина рокотала, рычала, скрежетала и тряслась, словно в лихорадке.

– Ну давай же, – процедила себе под нос. – Ну, давай, родная. Вот сейчас. Сейчас... – еще одна тщетная попытка; запахло гарью и палеными колодками. – Гори ты в пекле, падала! – внезапно воскликнула я, с силой несколько ударяя по рулю. Почувствовала, что снова накатили слезы, и горло сжал спазм. Сжала губы. Шмыгнула носом, хмурясь. – Дерьмо...

Сара с секунду молчала. Затем положила мне руку на предплечье в успокаивающем жесте.

– Так, давай бодрячком. К черту всё, сами дойдем. Немного осталось.

– Дойдем. Хуже не будет.

И вот еще пара минут, и мы вчетвером, нагруженные вещами, продовольствием и топливом, медленно начали продвигаться вперед. Холодная стена дождя. Грязь. Грузные сумки, которые с каждым последующим шагом становилось все тяжелее и тяжелее.

Усталость, полное изнеможение. Упав я там, не поднялась бы. Уснула бы на месте, даже не шевелясь. Но шла впе-

ред, вместе с горгоновцами. Зная, что сама во все это впуталась. И ничуть не сожалея.

– Давай, давай, скорее! – тараторил Стивен, пока Михаэль закрывал за нами ворота. Боур, бывший на дежурстве, первым заметил наши бредущие фигуры. Он сообщил об этом Сбарту, и тот выслал его вместе с Дэвисом нам на помощь. – В помещение, быстрее!

Не зашли, буквально ввалились в дом, еле удерживаясь на ногах. Вокруг шум, движение, а мне до безумия хотелось лечь на пол и не шевелиться; железом налились ноги, пальцы онемели от холода.

Вокруг все смешалось в единое месиво из слов, вещей и голосов, разносившихся с разных сторон. Я поставила на пол набитую сумку с припасами (вторую, вместе с пакетами из машины Марка, у меня ранее перехватил Михаэль). Видела ли я лица? Да, но не различала. Где-то на грани сознания мелькнула мысль, что берцы мои в ужасной грязи и абсолютно неподобающем состоянии. Не помню, как стянула их, оставив где-то у дверей; махнула рукой Сбарту, что мне нужно переодеться, и медленно побрела к лестнице, наконец скинув с плеч рюкзак и таща его за собой чуть ли ни по полу. Мокрый след тянулся тенью.

Ноги гудели, я механически переставляла их, плохо ощущая пол под ступнями. Была промокшей насквозь, до белья. Начинало морозить. Зуб на зуб не попадал.

В коридорах темно. Синие тени очерчивали двери и проемы переходов, и, будь я чуть менее уставшей, пустилось бы в пляс воображение, да родило бы в этих тонах ультрамарина что-то чарующее или пугающее, но... Но я лишь постаралась поскорее добраться до своей (частично) комнаты. Прикрыла за собой дверь. Медленно добрела до кровати и бездумно повалилась на нее.

Выбита из сил. Замерзла. Промокла.

Хныкнула пару раз. Поругала себя. Поднялась через силу и стянула куртку, бросив ее на пол. Кожа покрылась мурашками, я поежилась, прислушиваясь к шуму дождя за окном. Монотонно и глухо капли барабанили по крыше и окнам. Затуманенный воздух дрожал.

Стянула футболку, прилипшую к телу; чуть надавила на ткань, и вода обильно полилась на пол. Сняла штаны, бросив к остальным вещам. Дрожала. Поняла, что мне не во что переодеться. Если раньше я умудрялась как-то выкрутиться, то сейчас вариантов вовсе не оставалось. Белье тоже полетело вниз. Я постаралась укутаться в плед, но и он был мокрым; сглупила, упав на кровать, когда зашла.

Уставившись куда-то в пол, свалилась клубком на кровать. Ознобило. Не знаю, через какое время в комнату вошла Сара. Не помню, как она подошла ко мне, спрашивая о моем самочувствии.

– Все чудесно, только одеться не во что.

– Дилемма, – протянула она, – я бы дала тебе свою одеж-

ду, да самой нужно переодеться, – голос Сары был искренним; она будто чувствовала себя виноватой в случившемся. Я качнула головой.

– Брось, все нормально. Развешу свою, надеюсь, до утра высохнет, – Карани тяжело вздохнула.

– Когда наши в город поедут, я с ними двину, – уверенно проговорила девушка, поспешно переодеваясь. – Заскочу в магазин с одеждой, наберу шмоток для всех, ибо это издевательство, – Сара фыркнула, – потом свои параметры дашь, Штеф, и предпочтения озвучишь, хорошо? – я посмотрела на Сару и натянуто улыбнулась. Карани сгребла свои вещи в охапку. Не успела я и подумать, как она также быстро очутилась и около моих, подхватывая их с пола.

– Сара, я сама, – выпалила, уже поднимаясь, но горгоновец лишь дернула рукой, словно в отталкивающем жесте.

– Успокойся, сама развешу. И возьми чей-нибудь плед, твой мокрый напрочь!

– Но...

– Без "но"! Иначе нажалуюсь Сборту, будешь с ним спорить, – а с Робертом спорить не хотелось. Я лишь вымученно вздохнула кивая.

– Спасибо, Сара.

– Было бы за что, котик! Сейчас пригоню к тебе с горячим чаем, – с этими словами она вылетела из комнаты и, если не смотреть на ее уставшее и вымученное лицо, и сказать было бы нельзя, что эта девушка только что вернулась вместе со

мной.

Я поднялась на кровати. Распустила хвост, и мокрые волосы упали на плечи. Дождь шумел. Полутьма комнаты. Усталость, гудение во всем теле... Я бы хотела быть как горгоновцы. Вернуться с вылазки, и, несмотря на усталость, продолжить делать свою работу. Хотела бы предстать перед Сбортом с более сильной стороны, чтобы... Доказать что-то? Но кому? Зачем?

Глянула на окно, на то, какими потоками стекала вода вниз. Поежилась, вспомнив, как кровавый след смывало такими же потоками от дождя.

Время замедлилось. Остановилась под ритмичные удары капель о стекло.

В дверь коротко постучали. Я вздрогнула, непроизвольно желая потянуться к рюкзаку. "Можно?" – раздался низкий бархатистый голос. Я прокряхтела, сильнее кутаясь в плед и прижимая коленки к груди: "входи". Льюис почти бесшумно проскользнул в комнату, окидывая меня внимательным взглядом. В полумраке мужчина выглядел еще бледнее, чем обычно. Синие тени падали на его лицо. Бородка и темные татуировки контрастно очерчивались, точно на картине, да и сам он в эту секунду словно написан крупными мазками краски по холсту.

– Отлично выглядишь, – саркастично бросил горгоновец, кривя губы в усмешке. Я лишь шмыгнула носом, а Крис осторожно подошел, протягивая небольшой термос, – горя-

чий кофе. – Я глянула сначала на термос, потом Крису в лицо; аккуратно протянула руку, придерживая сильнее плед на груди, и забрала термос. Льюис сразу же направился к своему диванчику. – Ливень жуткий. Когда Сара докладывала, что вы машину завели, я уж думал... – мужчина говорил что-то, то ли для меня, то ли для себя. Уставшая, я иногда теряла некоторые его слова и фразы. Крис выглядел таким спокойным, что меня это даже удивляло. Удивляло и успокаивало. – Но все не так плохо, верно? – я отрешенно кивнула. Мужчина, поднимаясь, тяжело выдохнул. В его руках находилась аккуратно сложенная черная форма и плед. – Тебе, скорее всего, великовато будет, – он подошел, положил вещи рядом со мной на кровать, – но, я подумал... В общем, выбора все равно нет. Пока твоя будет сохнуть, можешь в моей форме погонять. Но на возвратной основе, конечно же, – губы Льюиса расплылись в типичной ехидной ухмылке. – Все чистое, но не отглаженное, сама понимаешь, – театрально развел он руками. Я поняла, что за все время не проговорила ни слова.

– Лью... – голос мой осип. Кашлянула пару раз, – Крис, спасибо.

– Без вопросов, – он с секунду помедлил. Затем дотронулся тыльной стороной ладони до моего лба.

– Я в порядке.

– Не сомневаюсь, – Кристофер пренебрежительно хмыкнул. – В таком случае, переодевайся и спускайся. Отдыхать еще не время.

Я хотела взвыть. Но кивнула, выпуская воздух через нос. Горгоновец стремительно направился к двери. Распахнул ее, замер на миг. Шумно выдохнул, еще раз обернувшись ко мне.

– В тебе тоже не сомневался.

– Еще раз спасибо. За все, – Льюис предельно серьезно кивнул мне в ответ.

Горячий кофе приводил в сознание и приятно согревал изнутри. Жизнь налаживалась.

Форма Криса оказалась велика даже слишком. Но если футболка до бедер вполне годилась для носки, то со штанами пришлось повозиться: у щиколоток они сложились гармошкой, а чтобы при ходьбе брюки с меня не спадали, пришлось стащить Нормановский запасной ремень (с черной бляшкой в форме змеи), пробить вместе с Сарой в нем по-тихому новые дырки, и затянуть на себе покрепче. Благодаря Карани же я обзавелась и теплыми носочками – берцы были насквозь мокрыми и сохли.

Укутанная в плед, с термосом в руках, я вполне бодро шагала за Сарой вниз, где раздавались голоса военных. Шла, гордо выпрямившись и пытаюсь скрыть улыбку – горгоновская эмблема Льюисовской футболки грела мое сердце, и то и дело я поглядывала на переплетенных серебристых змеек.

Все та же просторная гостиная. Все те же горгоновцы. Дождь за окном не переставал, одинокие раскаты грома раз-

давались где-то вдалеке, и только отзвуки от них доносились эхом до нас. Все комнаты да коридоры были погружены в голубато-синие оттенки накрывшей темноты. На душе – противно и тоскливо; от изнеможения я не чувствовала всей той гаммы эмоций, которая по-настоящему клубилась где-то промеж ребер. Однако же, кофе и чистая сухая одежда делали меня чуточку счастливее.

Горгоновцы осмотрели меня, но промолчали. Роберт перевел взгляд на Льюиса, но тот старался не пересекаться глазами с командиром. Один только Норман добродушно хохотнул, когда я под села рядом на диван.

– Не мала форма? – живо поинтересовался он, и мне показалось, что и не было многокилометрового пути. Роудез умело сокрыл переживания и усталость где-то внутри.

– Нет, в самый раз, – подыграла я ему, пожав плечами, – или думаешь, что стоило размер побольше взять?

– Не знаю, насчет размера формы, но ремень мне явно кажется смутно знакомым...

– Нет, котик, у тебя паранойя, – с другой стороны от Нормана на диван плюхнулась Сара. Она подмигнула мне, затем одаривая Роудеза очаровывающей улыбкой. Тот посмеялся, пока я, посерьезнев, выискивала глазами Сэма. Сначала и не заметила его, укутанного с головой в одеяло. Он сидел в кресле поодаль и дремал.

– Опять спит? – спросила я в пустоту.

– Он переживал сильно, выпросил у Михаэля успокои-

тельных, – включился в разговор Льюис, ставший позади нас и опершись предплечьями о спинку дивана, – тот ему дал половину от таблетки, да только все равно для Сэма этого много было. Его почти сразу в сон клонить начало, а потом он спустился сюда вас ждать и уснул. Сборт сказал его не тревожить, пусть отоспится.

Я посмотрела на мирно спящего Дорта. Вспомнила, какой зверски спокойной я была в день после *выстрела*. А потом проспала около двадцати часов. И, хотя события *тех часов* вспоминались мне в большинстве своем туманными и размытыми, я точно помнила, что Михаэль давал мне целую таблетку "хороших успокоительных".

Роберт подал знак, чтобы все переключили внимание на него. Горгоновцы расселись, и только Сборт продолжил стоять, точно нависая над нами.

Сначала, командир похвалил нас за оперативность, затем передал слова Сары о том, что "участники вылазки также отметили компетентность Штеф". Я глубоко и рвано глотнула воздух, не веря своим ушам. Глянула на спокойную Сару, внимательнее всмотрелась в Роберта, который уже говорил совершенно о другом.

Мимолетное признание просто свалилось на меня; в докладе Сборта эта информация была потоковой, словно обыденной, неудивительной и абсолютно непримечательной. Но уши и щеки мои загорелись, и я соврала бы, скажи, что мне не было приятно это услышать. Вновь и вновь перекручива-

ла донесение Сары в своей голове, выпав из общей канвы повествования Роберта. *Горгоновцы отметили мою компетентность?*

Дождь, продолжавший лить за окном; помещение, погруженное в призрачный полумрак; "Горгона", точно выгравированная в этой комнате моим сознанием.

Сборт предоставил слово Стивену. Тот озвучил краткий список имеющегося у нас инвентаря и продовольствия; еще раз обозначил поставленные ранее командиром задачи. Роберт указал крайние сроки их выполнения, а также наконец-то поставил точку в наказании Льюиса и Тарэна: оба были освобождены от каждодневных ночных смен и уменьшенного пайка. Им вновь было разрешено вернуть себе в полном объеме все свое оружие, которое ранее было частично изъято. Особенно этому был обрадован Кристофер, которого лишили практически всего боевого инвентаря (Норман тогда же отшучивался, мол, в руках Криса любой предмет может стать летальным оружием; Сара данную позицию опровергала, заявляя, что Льюису и оружие-то не нужно).

Роберт бросил пару подбадривающих фраз и несколько сухих формальных выводов, после чего распустил почти всех на свободное до ужина и отбоя время. Остался Стивен, который должен был внести в журнал учета доставленную добычу, и меня командир тоже не отпустил. Роберт заявил, что мой ускоренный курс обучения начался с сегодняшнего дня, а потому я была обязана в тот вечер получить первые

знания и умения – от Дэвиса. Как прилежный ученик, быстро притащила ту самую красную записную книжку, которую купила в тот злосчастный день в книжном магазине.

Помогая Стивену разбирать и сортировать инвентарь, я фиксировала для себя самые необходимые замечания и советы (и по моему, и по горгоновскому мнению). Посередине страницы, в жирной рамочке выделялась одна фраза: "Ведение отчетных журналов систематизирует и упорядочивает. Несмотря ни на что вокруг, заниматься отчетностью необходимо – это позволяет держать все под контролем". И маленькая, но максимально яркая приписка: "выпросить у Стивена, чтобы поскорее научил вскрывать замки!!"

Михаэль с Льюисом и Робертом разложили метровые карты на полу и столе – детально разрабатывали грядущую вылазку. Через какое-то время к ним присоединилась и Сара, убедившая Сборта в необходимости и ей направиться вместе с ними. Я не стала уходить, тихонько села невдалеке, обняв себя за колени и наблюдая за военными. Внимательно ловила их фразы, следила за движениями, жестикуляцией, выражением лиц. Пыталась высечь в памяти все до мелочей, ибо мне казалось это необычайно важным. Михаэль пил давно остывший чай, Роберт выслушивал каждого, затем обобщал и корректировал услышанное. Сара что-то помечала у себя в блокноте, ходя из одной стороны в другую и покусывая в задумчивости ручку. Льюис курил. Огонек тлеющего табака отбрасывал оранжево-охристые блики на лицо горгонов-

ца. Кристофер коротко глянул на меня из-под бровей, делая очередную глубокую затяжку. Мы с пару секунд смотрели друг на друга, а затем он повернулся к окликнувшему его Роберту, а я к пробудившемуся Сэму.

Дорт потирал глаза и недоуменно смотрел по сторонам. Завидев меня, резко поднялся, чуть не падая и с шумом сбивая кресло. Горгоновцы резко обернулись, Сэм, ругаясь себе под нос, направился ко мне. Дорт почти сразу кивнул в сторону лестницы.

Дождь не переставал барабанить по стеклу. С каждым часом становилось темнее и тоскливее.

Вместе с Сэмом поднялись в комнату. Опустившись на кровать, я вновь почувствовала ужасающую сонливость, которая сошла на нет во время "лекции" Стивена. Сэм постарался разузнать, как прошла вылазка; я бросила пару незначительных фраз, всем своим видом показывая, что не особо хотела говорить на эту тему. Дорт согласно кивнул, еще раз внимательно осматривая меня. Шум дождя убаюкивал.

– Штеф, я много думал. Знаешь, нам пора уезжать, – внезапно проронил Сэм. Я даже прекратила зевать и вскинула бровь. Парень с секунду помолчал. – Мы выехали из Четырнадцатого. Прошло уже три недели. Сидим на месте. Мы можем двигаться дальше сами, без "Горгоны".

– Сэм... – проговорила уставшим севшим голосом, – ну что ты такое говоришь? Куда мы поедem? Ты будто забыл, что происходит за пределами промежуточных трасс. Куда

двигаться?

– Домой, назад, вперед, куда угодно, – он пожал плечами, параллельно покачивая головой. – Штеф, мы стоим на месте. Мы с тобой ведь можем и сами сидеть где-нибудь в укромном углу. И сами можем аккуратно и тихо переезжать из места в место; а там, кто знает, может хоть что-то найдем. Я уверен, ни мы единственные пережили этот кошмар. Ты ведь сама чувствуешь, что на данный момент мы завязли с военными. Я ожидал, что, будучи с "Горгоной", для нас хотя бы что-то разрешится, станет чуть лучше. Но все становится только хуже, Штеф, понимаешь?

– Это ты должен понять, Сэм. Становиться хуже не потому, что мы рядом с горгоновцами, но потому что обстановка вокруг становится все тяжелее и безнадежнее. Я боюсь даже представить, что бы было, окажись мы с тобой вдвоем. Не возьми Роберт нас с собой.

– Штефани! – воскликнул Сом, хватаясь за голову. – Почему ты внезапно стала так слепа? Он не только нас с тобой пытается одуричь, но и своих собственных людей. Как давно мы могли бы уже быть у Старых рубежей?! – сердце мое пропустило пару ударов; я была почти уверена, что в этот миг замерла и побелела, но, благо, и комната сокрыла мои переживания в полутьме, и Сэм был слишком эмоционален, чтобы считать состояние собеседника. – Добраться до пункта помощи? До размещения войск? Но мы сидим на месте. Думаем о вылазках, а не о передвижениях. Я готов избегать

зараженных, готов избегать мародеров, готов заниматься поисками, готов заниматься собирательством...

– Это пустые слова, Сэм.

– Не пустые. Роберт почти никому не позволяет ловить передачи в приемнике.

– Их почти и нет.

– Это ты так думаешь. Может, он просто заставляет нас в это поверить?

– К чему ты пытаешься клонить? – я начинала злиться.

– Откуда нам знать? "Горгона" – правительственная группа. Горгоновцы находятся в подчинении Главнокомандующего. Может, Роберт даже близкий приятель Трех? Может все это спланировано...

– Большой глупости в жизни не слышала! – всплеснула руками, хмурясь. – Конспирология не уместна здесь, Сэм! Ты взращиваешь свои подозрения лишь потому, что не перевариваешь военных и пытаешься найти в них оправдание всему этому ужасу. И я тебя понимаю, я сама пытаюсь во всем увидеть знак или причинно-следственную связь, но то, что сейчас ты говоришь, это бред. Несуразица и глупость.

Я слышала сердитое дыхание Сэма.

– Мне страшно остаться один на один с этим миром. Но и с "Горгоной" мне не менее страшно. Они ведь расстреляли тех ребят на дороге...

– Тех ребят? Мародеров, которые первыми по нам открыли огонь?

Сэм замолк почти на минуту. Поднялся, начиная мерить комнату шагами.

– Может, я и не прав в чем-то. Но горгоновцы – опасные люди, ты сама это знаешь. Даже жнецы не рисковали с ними сталкиваться.

– Поэтому именно с "Горгоной" для нас сейчас безопаснее всего находиться.

– Но это не меняет того факта, что мы не двигаемся с мертвой точки. С таким же успехом мы можем отсидеться сами.

– Мы не можем сами, Сэм, – уверенно возразила.

– Но разве ты не чувствуешь, что Роберт затягивает нас в дела группы? – осторожно проговорил парень, присаживаясь рядом со мной. – Сегодня мы занимаемся вылазками и починкой машин, а что завтра? Я не хочу иметь руки по локоть в крови.

–И я этого не хочу. И никогда этого не будет.

– Но ты уже выстрелила, Штеф, – я дрогнула, тяжело сглатывая. Слова Сэма ударили в грудную клетку, выбив воздух из легких. – "Горгона" плохо на нас влияет. Я думаю, мы должны двигаться сами. Штефани, – мужчина покачал головой, – я знаю... А, кого я обманываю! Не знаю, ничего не знаю, Штеф! Мир рушится вокруг нас, но я не хочу, чтобы мы разрушились! Нам не нужно становиться похожими на горгоновцев; тебе не нужно перенимать их опыт, нам не нужно уметь убивать зараженных.

– Сэм, – сжала губы, сиюсь не заплакать. – Мне тоже страшно. Очень страшно. И очень давно. Я стараюсь не думать и не вспоминать, как медленно и постепенно жизнь становилась хуже, тяжелее и опаснее, пока этот кошмар не вошел к апогею и перешел черту. Но... Нам нужна "Горгона". Мы не сможем сами. Пока не сможем, понимаешь?

– Сможем, – с мольбой протянул Дорт, но я упрямо мотнула головой.

– Нам нужно время обвыкнуться. Перестроиться под нынешнюю ситуацию, научиться защищать себя. Нам нужно понять, что делать дальше и как жить дальше.

– Это не твои слова.

– Это мои слова, – твердо отрезала. – Нам нужна "Горгона", и мы не уйдем сейчас. Я не уйду. Дай мне время.

– Только чтобы не было поздно, – почти неслышно проговорил Сэм. Я кивнула.

Несмотря на сумбуренность речей Сэма, я понимала, о чем он волнуется и что его гложет. Конечно, его пугала "Горгона" и горгоновцы. Пугало то, что под их влиянием и под воздействием обстоятельств мы потеряем остатки человечности и милосердия. Но стать жестче, не значило стать бесчеловечным – к сожалению, для Сэма эти понятия были синонимичны. Да и не знал он, что Старые рубежи пали, и что авиаудары по многим городам наносили по приказу уже Штиля, который Сэм считал последним оплотом, да и то, что сам Штиль перестал выходить на связь, Дорт тоже не знал.

Пока Сэм пытался найти способ жить с более-менее привычным для него ритмом и мироощущением, я считала часы до конца сущего.

Окончательно запуталась. Сбилась. Потерялась. Ощущала себя безвольной куклой, выброшенной на волю судьбы в ураган... И этот ураган окончательно затянул меня внутрь, начиная медленно, но верно разрывать.

Всю ночь дождь не заканчивался. Барабанил по крыше и окнам. Завывал ветер в щелях, раздавались раскаты грома, и яркие вспышки молний освещали мрак комнаты – но в этих всполохах света виделись мне озаренные светом черные небеса после взрывов. Я вздрагивала каждый раз, когда ударяла молния или когда гром рычал над нами.

Почти не спала. Крутилась в состоянии полубреда по кровати, то впадая в болезненную дрему, то без сна смотря в белый потолок. Сотни мыслей переплетались в сознании. Я много думала о словах Сэма, вспоминала тихий безмолвный ужин с горгоновцами. Все думала и думала о том, как следует поступить.

Дорт, быть может, был в чем-то прав. Мы слишком погрузились в "Горгону", завязли с военными, будто не было другого пути... А был ли он?

Сэм хотел лишь переждать бурю, а я хотела научиться с этой бурей бороться.

Уже под утро, когда начал утихать дождь, я провалилась в сон, и виделись мне правительственные казематы, охвачен-

ные огнем города и едкий черный дым, пожирающий дгорающее алое солнце.

– Поднимайся! Семь утра, подъем! – я еле приоткрыла глаза. – Поднимайся, Штеф, я и так дал тебе поспать подольше! – Норман, уже бодрый, бесчувственно тормозил меня. Толком и проснуться не успела, как горгоновец уже тащил меня за собой вниз по лестнице. – Дождь прошел, везде грязюка страшная, тем более в лесу, но побегать вокруг дома мы всегда сможем! Святой человек, придумавший асфальт и твердое покрытие! Первые дни, так и быть, без утяжелителей; но послезавтра я уже не буду так милостив. А после бега приступим к силовым...

Именно так начались мои тренировки по физподготовке.

Резкий подъем, пробежка. На улице прохладно, сыро, я еще не до конца проснувшаяся. Прыжки, приседания, отжимания, подтягивания и прочее, прочее, прочее... Первый день – все по минимуму, но Норман сразу же обозначил план тренировок и наращивание объемов упражнений. Тренировка два раза в день – в ускоренном темпе, но чтобы утружденные мышцы не сделали из меня бездвижную марионетку. Занятия с Крисом откладывались, так как Роберт предпочел, чтобы холодное оружие и рукопашный бой я освоила после того, как изучу "основную программу".

Завтрак. Я все еще не успела прийти в себя. Сразу после – инструктаж у Стивена. Дэвис, как и обещал, показал

свою коллекцию "вскрывателей". Начал рассказывать. Я, как школьница, конспектировала нюансы. Краткий отдых. Занятие у Сары. Большой объем теоретической информации об оружии. Наглядное представление – передо мной арсенал, которому позавидовал бы любой военный музей. Обозначение плана того, что нужно будет знать, сколько оружия нужно будет освоить. Получасовой передых, во время которого я почти без сознания упала на постель и сразу задремала. Разбудил Стивен. Обед. После обеда занятие у Михаэля. Много записей в блокноте. Очень много записей. Занятие у Стэна. Затем перехватил Норман – уж не чувствовала собственного тела. Все волнения забылись, растворились в нагрузке. Ужин. Еле добрела до своей постели. Легла и сразу же уснула, без привычного вечернего разговора с соседями по комнате. Провалилась в темноту. Кажется, мне даже ничего не снилось. По крайней мере, я не запомнила ни одного образа. Снег разве что.

Три дня пролетели по щелчку пальца. Я не успевала полноценно проснуться и сразу мчала на тренировку – в течение дня краткий отдых, полудрема и перекусы. Все остальное время – занятия, инструктажи, практика и записи. Ноги уже сами меня несли на пробежку, губы сами беззвучно повторяли за Михаэлем последовательность наложения бинтов, руки сами разбирали пистолет двенадцатого калибра. И во сне я видела карты, таблетки и патроны. Все мешалось в единую кучу, абсолютно не давая времени оправиться и

хоть на секунду задуматься о чем-то постороннем. Я даже не успела разболеться после холодного дождя – мой организм, мое сознание было постоянно занято бесконечными уроками с горгоновцами, которые и сами с удовольствием принимали участие в этом "экспресс-курсе молодого бойца".

Периодически моросил дождь, но к концу третьего дня земля в целом успела просохнуть. План большой вылазки к тому моменту был продуман до мелочей; вещи собраны, и рано утром, еще до рассвета, на четвертый день начала моих тренировок, горгоновцам предстояло выдвинуться в путь.

В ночь перед вылазкой не могла уснуть; даже физическая усталость не стала спасительным снотворным – каждый участок в теле отзывался тянущей свербящей болью, – и я бодрствовала, встревоженная и переживающая, будто с утра мне самой надлежало уезжать на встречу с неизвестностью. Лежала, отвернувшись к стене. Мысли клубились неповоротливой бесформенной массой, запутанные и дурные, а под ребрами скреблось и кусало. Тихо посапывала Сара, раздавалось парное сопение Сэма и Нормана (последний привычно прихрапывал). Когда посреди ночи Льюис поднялся и вышел из комнаты, я сначала не обратила на это никакого внимания. Прошло минут десять-пятнадцать, а горгоновец все не возвращался. Первую половину ночи дежурил Стэн, а потому Крис не мог задержаться на задушевную беседу – он явно не стал бы тратить драгоценные минуты сна на беседу с Тарэном.

Поднялась на кровати, огляделась. С секунду помедлила, затем осторожно опустила ноги на холодный пол. Натянула берцы и бесшумно нырнула в дверь. Темно и тихо. Вслушалась, неспешно направляясь к лестнице. Ноги гудели, напряженные мышцы превращали движения в угловатые. Спустившись наполовину лестничного пролета, замерла. Льюис сидел один на кухне, вальяжно развалившись на стуле и держа в руках тлеющий окурочек сигареты. Крис откинул голову к стене; на столе стояли наполненная окурками стеклянная пепельница и открытый термос. Я помедлила, не зная, стоит ли сейчас беспокоить мужчину, но Кристофер, лениво приоткрыв глаза, уже заметил меня.

– Ты чего не спишь? – спокойно проговорил он, поднося сигарету к губам. Я вздохнула, начиная спускаться. Льюис сделал глубокую затяжку, затем направив изящным движением очередной окурочек в пепельницу.

– Бессонница.

– Не устала после учебного дня? – саркастично хмыкнул мужчина, на что я закатила глаза, присаживаясь напротив. – Кофе?

– Не откажусь, – Льюис придвинул мне термос, и я, не раздумывая, отпила. Кофе был холодным, крепким и без сахара. В первую секунду скривилась, отпрянув от термоса. Военный с интересом наблюдал за мной, в легкой ухмылке натянув уголок губ. Я фыркнула, вновь отпивая кофе. Глоток, второй, третий... Горечь заполнила, ударила в голову, про-

чищая мозги и взбадривая. Внутри словно все загорелось. – Отвратительное пойло. Рецепт не поделишься? – тряхнула волосами. Льюис хохотнул, да и я сама искренне улыбнулась. – А ты чего полуночничаешь?

– Никогда не мог нормально спать перед выездами, – нехотя ответил Крис. – Пытаюсь мысли в порядок привести.

– Хреново у тебя получается, судя по наполненности пепельницы и облаку дыма вокруг.

– Вероятно, придется с тобой согласиться.

– Позволь поинтересуюсь из чистого любопытства, ты со всеми нехотя соглашаешься, или это исключительно моя прерогатива? – в глазах Льюиса мелькнула лукавая чертовщинка; он сощурился, улыбаясь хищно, а я театрально замахала руками. – Хотя, нет-нет-нет, можешь не отвечать! Это одна из черт твоего паршивого характера.

– О, *Штефани*, как иронично с твоих уст слышать о паршивости характера, – настал мой черед пренебрежительно усмехаться, а Льюису играючи зеркалить мои слова. – Позволь поинтересуюсь из чистого любопытства, ты во всех жизненных сферах такая строптивая? – он не говорил, почти урчал; тембр голоса и обольстительная ухмылка придавали словам Льюиса абсолютно двусмысленное значение.

Обаятельно улыбнулась. Притянула к себе термос. Сделала ещё пару глотков.

– Вот видишь, как хорошо, что я пришла. Тебе не пришлось бороться с кашей в голове. Будешь мучить свою голо-

ву другими не менее увлекательными вопросами.

Крис прыснул от смеха – понятное дело, он лишь согласился сыграть со мной в очередной обмен любезностями; но мы друг друга тем и спасали, не все же время задушевные речи толкать. К тому же, порой смех, ирония и цинизм были единственным лекарством борьбы с гнетущей действительностью.

Откинув голову, горгоновец тяжело выдохнул. Задумался. Побарабанил пальцами по столу. Посерьезнел. Посмотрел на меня внимательно.

– Что?

– Очень уверено оружие в руках держишь, Шайер. Ты ведь в тире занималась не ради удовольствия и спортивного интереса?

Ответила не сразу.

– Нет.

Горгоновец вновь кивнул, продолжая выжидательно смотреть.

– Я знакома со жнецами не понаслышке, – вырвалось из меня. Льюис напрягся. – Глупо же надеяться, что, озвучивая точку зрения, отличную от официальной, в один момент в твои двери не постучат блюстители режима, – еще помолчала. – В какой-то момент страшным стал не образ гипотетической тюрьмы, следственного изолятора или дознавательных камер. Стало страшно идти утром в издательство и вечером возвращаться домой. Ты первый, кому я заикнулась

об этом. Но обговаривать детали или обсуждать это я бы не хотела. Ни сейчас, ни позже.

Отвернулась. Перевела взгляд за стекло. Темно, прохладно и сыро. До рассвета еще долго. Меня немного потряхивало. Пахло табаком, кофе, кремом для обуви и маслом для чистки пистолетов.

– Хорошо. Я не буду ничего спрашивать, – он чуть склонился в мою сторону, – но, с твоего разрешения... – горгоновец взял меня за пальцы и провел ими по коже под воротом футболки, ниже своей левой ключицы, где темнели причудливые линии татуировок. Я вздрогнула. Подушечками пальцев ощутила рубцы. – Одному ублюдку показалось забавным оставить мне такую напоминалку о том, кем он меня считал. "Монстр", – Льюис отпустил мою руку. – Я бывал в плену и в Штиле, и у "Анцерб", но после радушного приема жнецов те разы казались мне раем.

– Жнецы посягнули на горгоновца?!

Льюис мотнул головой.

– Я тогда еще не был частью группы. Непослушный мальчишка, только пришедший на службу и позволявший много и жестко говорить о том, о чем не следовало, – мужчина усмехнулся. – "Урок будет повторяться, пока ты его не усвоишь". И я усвоил. Но интерпретировал иначе. Перенял опыт, так сказать.

Не знала, что ответить. По позвоночнику расплозлось внезапное ощущение холода. Дернулась. Взяла Льюиса за руки

и крепко сжала – эмоциональный порыв.

– Будьте осторожны в поездке, – сказала почти шепотом. – Я знаю, что все будет хорошо, но... Будьте осторожны. Мне еще нужно у тебя поучиться, так что обязательно возвращайся с вылазки, – не получилось сказать иронично; голос подрагивал. Я опустила взгляд, с секунду помолчала, затем перехватила термос и допила за один раз остатки кофе, стараясь сбить сжавший горло спазм.

– Мы вернемся дня через два, – буднично ответил Льюис. – Спешить не будем, все внимательно осмотрим. Не накручивай себя. Все нормально будет, – он махнул рукой, удобнее устраиваясь на стуле. – Главное и вы оставайтесь на чеку. Не ходи без оружия, ладно?

– Сэма постоянно передергивает, когда он видит у меня в руках пистолет, – горгоновец в немом вопросе вздернул бровь. – Просто... У Сэма очень жесткие моральные рамки. Он убежден, что можно избежать *любого кровопролития*. Сэм не сторонник насилия в любом его проявлении. Даже в теоретическом, – Льюис в задумчивости кивнул, ничего не ответив, и я тоже промолчала. Затем разговор возобновился и медленно перетек абсолютно в иное русло, далекое от крови, убийств и рушащегося мира.

Мы много говорили. Поток мыслей, баек, шуток на грани, размышлений обо всем на свете. Незаметно пробежало время. Стэна сменил на дежурстве Михаэль, мы с Крисом выпили еще один термос кофе, который в потемках заливали

еле теплой водой, наспех нагретой разожженными на улице газетами. Я чувствовала легкую усталость, представляла, как утром вновь будет нужно нестись на тренировку с Норманом.

Откровенно говоря, я боялась даже предполагать, как грядущий день проведу на ногах.

Оставалось часа полтора до подъема, когда мы с Льюисом все-таки решили пойти вздремнуть. Крис замер у входа в комнату, повернувшись ко мне.

– Судя по тенденции, мы собрались поочередно вытаскивать друг друга из эмоциональной ямы?

– Наверное именно на этом и строятся крепкие дружеские отношения.

– Что ж, в таком случае спасибо, что не оставила меня наедине со своими мыслями.

– И тебе. И отдельное спасибо за кофе, – Льюис улыбнулся, распахивая передо мной дверь.

Ещё темно. Ещё осталось время немного отдохнуть перед ранним подъемом. Опустилась на кровать, натянула до самого лица одеяло... Не чувствовала ни рук, ни ног. Закрывает глаза, ощущая, как покачивало от пульсирования крови по организму. И минуты не прошло, как провалилась в сон. Жизнь умолкла, время остановилось.

Роберт давал напутственные распоряжения Михаэлю, пока участники вылазки перепроверяли готовность к выезду. Остальные горгоновцы вместе со мной и Сэмом стояли по-

одаль, дабы не путаться под ногами.

На удивление, спать совершенно не хотелось – утренняя тренировка отлично приводила в бодрое состояние; а вот Дорт стоял, кутаясь в плед и не переставая зевать.

Финальные сборы завершились минут за пятнадцать. Горгоновцы разместились в машине, Норман открыл им ворота.

Сердце билось где-то в горле. Я смотрела на уезжающую машину, молясь всем известным мне богам: пусть все пройдет удачно. Благоволите Небеса, убереги Богиня Матерь!

Роудез закрыл ворота, Михаэль махнул рукой. Всё возвращалось на свои места. Все возвращались на свои места. Я понеслась на занятия, Сэм направился досыпать, пока солнце не покажется из-за туч.

День проходил в движении. На месте никто не сидел, у всех были свои дела и свои обязанности, а потому времени думать и переживать не оставалось. К тому же, Норман сохранял позитивный настрой и подбивал всех остальных соответствовать. Я дежурила вторую половину дня, и тогда же вновь упражнялась в разборке, чистке и сборке четырех разных пистолетов, винтовки и полуавтомата – то, что Сара мне объясняла в предыдущий день.

Сборт дважды выходил с нами на связь. Все шло по плану, а потому даже к вечеру мы оставались в бодром и приподнятом расположении духа. Стэн приготовил свои "фирменные" макароны с тушенкой, и в тот миг мне казалось это лучшим и вкуснейшим блюдом во всей моей жизни. Сэм мирно бе-

седовал с Михаэлем о книгах прошлого столетия. Иллюзия нормальности была настолько реалистичной, что я поверила в нее на несколько часов.

В сравнении со спокойным днем ночь далась мне значительно тяжелее: сначала я задремала, уснула плохо и чутко, и проснулась сразу же, когда на дежурство второй половины ночи ушел Норман, сменивший Михаэля. Мы остались с Сэмом в большой комнате вдвоем, и пока Дорт тихонько посапывал, я крутилась на постели в немом страхе. Липкий холодок струился по спине, всюду мерещились тени и образы ночных кошмаров. Спящий рядом Сэм не успокаивал и уверенности не придавал.

Воображение подбрасывало всякое неприятное и угнетающее. Тягостные минуты тянулись нестерпимо долго. Повернулась на спину, уперлась взглядом в высокий потолок; повторяла заученную мантру: да, как бы страшно не было признавать, но уже ничто не будет, как прежде. Время вспять не вернешь, обратно не отмотаешь. Из сердца бури дороги не существует. Остается только ее выстоять. Пускай эта буря лишь сделает нас сильнее.

Солнце все не поднималось, я мучилась от собственного бессилия, с воющей тоской ожидая рассвета. Только над горизонтом забрезжил свет, я тут же подорвалась с кровати, стремглав мчась вниз, на утреннюю тренировку. Первую из трех в наступающем дне. С новыми препятствиями и нагрузками. Все сложнее и труднее. Но я не чувствовала уже тяже-

сти в теле, боли в мышцах – теперь мысли оказались сильнее и глушили физическое восприятие. Отдавалась делам полностью, дабы отвлечься.

Время летело. Я хваталась за все задания, пыталась быть везде и сразу, помогая Стэну и Сэму проверять машины, вызываясь на дежурство во второй половине дня. Тренировалась с Норманом, затем с ним же перечисчала оставшееся оружие. Впервые за все время с начала эпидемии я чувствовала себя *настоящей*, наконец-то вырвавшейся из-под власти страха и эмоций. Сэм тоже не унывал, погружившись в работу. Он даже изредка шутил, вспоминая забавные истории, связанные с издательством и нашими коллегами. На улице было жарко и солнечно; на небе ни тучки.

Роберт сообщил, что все в порядке, но возвращение может немного сместиться от первоначальных временных рамок: новые задачи требовали разрешения; содержательнее командир не распространялся.

Вечер. Тренировка. Повторение изученного. Без сил упала на кровать. Подумала об уехавших. Уснула. Проснувшись, когда Норман уходил часа в два на свою смену. Напросилась с ним. Оставшуюся половину ночи разговаривали. О моем обучении, о "Горгоне", о том, что происходит в мире.

Горгоновцы мало знали о прошлом друг друга. Впрочем, это и не было нужно – вступая в группу, военные перечеркивали предыдущую жизнь, полностью посвящая себя "Горгоне", которая становилась семьей. Это помогало целиком от-

даваться работе. Горгоновец не должен был бояться терять: что-то или кого-то. Понятное дело, уставом не запрещалось иметь семью, но негласное правило рекомендовало принимать в ряды группы тех, кто не мог своей кончиной кому-то принести чрезмерную боль и невосполнимую утрату. Да и горгоновцам проще было бросаться на амбразуру, зная, что никому не обещали вернуться. Обязан "Горгоне" и самому себе. Так проще, так легче не бояться ни смерти, ни Всевышних сил, не всевидящих властей, ни озлобленных недругов.

В группу приходили либо отчаявшиеся, либо чрезмерно амбициозные, а чаще – сочетающие в себе обе ипостаси. Быть горгоновцем – почетно, но не каждого принимали в группу; да, откровенно говоря, и не каждый смог бы принять условия, соответствовать требованиям, которые "Горгона" выдвигала. В частности, покинуть группу можно тремя путями: смерть (самый частый); почетная пенсия за особые заслуги (почти подарок судьбы и командира); и позорное исключение – а исключение из "Горгоны" ставило крест на любой дальнейшей карьере, связанной с военной или силовой деятельностью. Впрочем, исключение становилось клеймом всей жизни. Единственными горгоновцами, имена которых просачивались в массы, становились изгнанные или кончившие жизнь на военно-полевым трибунале. Командир судил, командир приводил приговор к исполнению.

И не было более профессиональных и подготовленных бойцов, чем преподносившие свою жизнь на жертвенный ал-

тарь Змееволосой Девы.

Мы сидели с Норманом на крыше, вдыхая терпкий аромат разнотравья. Где-то на подкорке ощущалось близкое приближение осени; прохладный ветерок налетал внезапно, заставляя поежиться. Норман говорил о том, что мне необходимо понять, для чего я сейчас получаю знания от горгоновцев. Убеждал, что нужно побороть эмоции, подчинить себе страх, и тогда я смогу справиться со всем. Но особенно сильно Роудез акцентировал мое внимание на другом: "Позитивный взгляд на жизнь спасает от сумасшествия и боли".

Миру, наверное, приходил конец. Может, это и был апокалипсис, конец света – не уж точно не в наших силах что-то переменить. Оставалось только подстроиться, смириться и... Двигаться дальше? Как бы то ни было, мы с Норманом сошлись на том, что, вполне возможно, Государство действительно заслужило хорошую чистку от людей. Слишком уж прогнило всё вокруг. И хотя нельзя было унять боль за множество невинных жизней и несчастных судеб, затянутых и перемолотых в этом зловонном круговороте, но и отрицать, что в каком-то кармическом смысле все логично и обоснованно пришло к коллапсу, тоже было невозможно. Нам же оставалось только сохранить человечность, сохранить себя и двигаться дальше. Двигаться вперед. Продолжать бороться.

Но даже философствовать с Норманом в серьезной манере не удавалось. Он был экспрессивен, любую драматичную ситуацию или сложный вопрос превращал в ироничный ка-

ламбур; впрочем, вполне в духе каждого горгоновца – превращать свою боль в идеальную тему для очередной шутки.

Утром после тренировки и у меня выдалось свободное время. Пошел третий день вылазки Сборта, планируемая дата возвращения горгоновцев. Норман, уставший после ночного дежурства, пошел передремнуть; я, почему-то, усталости пока не чувствовала – в этом было виновато и легкое волнение, и кофе, настоящий по любимому рецепту Криса: чем крепче и горче, тем лучше. К тому же, я задумала небольшую авантюру (в сущности, просто глупость, но в нынешнее время это ощущалось покруче взлома административного документационного хранилища).

Я выждала, пока Михаэль погрузится в свои дела, Стэн, вышедший на дежурство, будет делать обход внутренней территории, и Сэм наконец-то оставит меня наедине – с последним помогла сама судьба, и Миха позвал Дорта для какой-то помощи. Не теряя ни секунды, я рванула вверх, в комнату, к рюкзаку. Тихо проскользнула, стараясь не разбудить спящего Роудеза. Забрала рацию, взяла пистолет запрятала его за пояс штанов, прикрыв низом майки. Также бесшумно и скоро спустилась вниз, сверила часы – как можно незаметнее вышла во двор и, всё перепроверив, с бешено бьющимся сердцем выскользнула в железные ворота за пределы базы.

Щебетание птиц лилось безмятежной песнью. Я неспешно продвигалась вперед по поляне, внимательно посматривая по сторонам и держа пистолет наизготовку. Высокая тра-

ва доходила мне до бедер, шуршала под ногами шепотом мифологических духов и сказочных образов. Бьющееся точно в горле сердце медленно успокаивалось – огромный мир распростерся передо мной, открыл объятия; никогда бы не подумала, что свобода может ощущаться *так*.

Казалось бы, что страшного – выйти за пределы ворот. Но я впервые оказалась совершенно одна с момента, когда Северная зараза накрыла привычный мир агонией хаоса. Никто не знал, где я, никто не присматривал, никто не мог кинуться мне на помощь в ту же секунду, когда она могла потребоваться. Спасать здесь, пожалуй, было и не от кого – но сам факт: оказаться одной и постараться ощутить себя в безопасности. Я четко осознавала, насколько важно как можно скорее распрощаться с нахлынувшими дезориентацией и деперсонализацией. Ощутить себя в себе и себя в мире.

А мир чувствовался иначе. Он продолжал существовать, не подозревая о горестях людей. В том была и непоколебимая прелесть, и неопикуемый ужас.

Запахи. Звуки. Цвета. И ничего не сковывало и не туманило разум. Размеренный шаг и сжатый в руках пистолет. Впрочем, я, наверное, и не выстрелила бы в зараженного, даже попадись он мне на пути; скорее бросилась бы бежать прочь. Но с пистолетом перебарывать страх *внезапно столкнуться* с чем-то или кем-то было проще.

Одна. Как прежде.

Трава шелестела, солнце припекало. Прошло минут де-

сять, как я миновала ворота. Оглянувшись назад, увидела высящееся здание. Стекла сверкали на солнечном свете, слепя глаза. Я выдохнула, убирая пистолет и присаживаясь на прогретую теплую землю. Чуть поодаль журчал маленький ручеек; наверняка дальше он впадал в ту самую лесную реку, у которой мы разбивали лагерь. Вода поблескивала, были слышны редкие трели птиц где-то позади. Там же, метров через сорок, начинался лес.

Я скрылась в траве, утонула в этом шуршащем покрове. Тихо. Спокойно. Дрожь прекратилась, сердце полностью успокоилось. Дышала полной грудью, чуть прикрыв глаза и стараясь нагнать на себя спокойствия и расслабления. Все, что было вокруг меня – лишь треск жучков и еле различимый шум воды, все остальное – иллюзия, дурной сон.

Не удержалась, легла на спину. Воздушные недвижимые облака замерли среди невероятной красоты голубого небосклона. Мне кажется, никогда прежде я не видела такой живописной картины; хотя, быть может, просто никогда не воспринимала окружающее так, как в ту секунду.

Время стало тягучим. Я прислушивалась к каждому звуку, греясь под теплыми лучами. Чувствовала каждый участок тела. Свежий воздух обволакивал изнутри.

Внезапно, позади раздался шум. Резким порывом я перевернулась, прижалась к земле, заводя руку к пистолету и всматриваясь сквозь траву на лесную дорогу.

Мышцы напряглись за долю секунду, сжались, как тугая

пружина. Вдох-выдох. Я вся напряглась, готовая броситься в любую сторону в любую секунду. Из леса резко вылетела машина "Горгоны".

Сердце оборвалось, я выругалась, вжимаясь в землю и переставая дышать, будто бы Сборт мог услышать мое дыхание. Горгоновцы пронеслись к базе. Я поменяла позицию, дождалась, пока окажусь в слепой зоне, и бросилась, что есть силы, следом.

Главное незаметно проскочить в ворота! Благо, стараниями Стивена обучить меня универсальным и классическим приемам взлома замков, они стали легко открываться для меня и изнутри, и снаружи без вспомогательной помощи.

А ведь это было только начало. Я быстро училась, когда того желала.

– Где тебя носит, Штефани? – первое, что услышала, аккуратно входя в помещение с улицы. Роберт был встревожен, краем глаза заметила, что все уже собрались на прежних местах. Я глянула на Сару, та улыбнулась мне, кивая чуть в сторону; там стояло три гигантских бумажных пакета, набитых разным шмотьем. – Давай, давай, Штеф, не медли!

– Прости, Роберт, – пискнула в ответ, быстрее занимая место рядом с Сэмом и находя глазами Стивена, переговаривающегося с Михаэлем, – выходила воздухом подышать, голова шла кругом... – на ходу выпалила, через секунду замирая.

В комнате находилось двое незнакомцев. Одному на вид было лет пятьдесят. Тронутые сединой волосы падали ему на лицо, изрешенное морщинами; изнеможенный вид мужчины и грязная мятая одежда, однако же, не перебивали какую-то аристократичную статность. Он держался прямо, с легкой снисходительностью поглядывая вокруг и то и дело протирая вспотевший лоб зеленым платком с золотой вышивкой; признать честно (а может, здесь играла роль моя симпатия), несмотря на всю нескрываемую породистость незнакомца, Роберт (да и прочие горгоновцы с вымуштрованной выправкой) на его фоне все равно смотрелись куда представительней.

Второй мужчина был немного худощав, выглядел лет на сорок. От него тоже веяло духом интеллигенции и внутреннего достоинства. Смотрел он, однако, как-то сквозь присутствующих. Напряжен и, возможно, немного напуган. Переносе его очков было перемотано. На руке – добротные тяжелые часы.

Только я заняла свое место, как почти в этот же момент с лестницы второго сбежал Льюис. Он коротко глянул на Роберта, кивнул, затем отходя к стене; мужчина оперся об нее и скрестил руки на груди, поймав мой взгляд. Желваки заходили на его скулах. Я дрогнула: Крис был зол, как черт. Вzbешен и сосредоточен. Не то чтобы его вид нагнал на меня панического страха, но попадаться под его горячую руку в таком состоянии желания не возникало.

Льюис сощурился, а затем быстро отвернулся, переводя взгляд на Сборта – тот откашлялся, выходя в центр комнаты и всех внимательно осматривая.

– Итак, время, как обычно, поджигает; работаем в ускоренном темпе. Обрисую ситуацию, – Роберт выждал небольшую паузу, – вылазка прошло успешно и без особых потрясений. Что касается наших гостей, – командир сделал жест, представляя первого незнакомца, – Джон Грин. Градоначальник городка °13-16-8-28. В настоящее время под его началом в стенах резиденции укрыты *выжившие*, – перехватило дыхание; Сэм крепко сжал мою руку. – А также с нами прибыл Виктор Бенар, – мужчина в очках коротко

кивнул, – исследователь политических наук Ведущего университета Северных земель, – я буквально впиалась в Виктора взглядом: Северных земель? Как давно он уехал оттуда? Что он знал? Что видел? Мог ли рассказать о начале эпидемии? Мог ли рассказать о нарастающем политическом недовольстве? О людях, поддерживающих Хорста? Но я тряхнула головой, пытаюсь вслушаться в слова Роберта, уже пропустив какую-то информацию, – ..нам предоставлено безопасное место, в котором есть свет, вода и просто максимальные удобства в сложившихся обстоятельствах. Как я уже говорил, нам будет необходимо организовать безопасность людей, помочь им научиться защищаться, а также поспособствовать прекращению исчезновений. Но это...

– Мы будем вам крайне признательны, – перебил Сборта Джон, откашливаясь. – Когда мы прибудем в Двадцать восьмой, я все подробно расскажу. Мы надеемся на вашу помощь, ведь если бы это были просто исчезновения... Впрочем, полагаю, будет лучше, если вам все расскажет ваш командир, которого я посвятил в основные детали.

– Уверен, мы сможем найти общий язык, – вторил Виктор, оправив очки. Голос его был шершавым, а интонации неспешными. – В темные времена следует помогать друг другу.

– Однако же, если вашим людям сейчас нужна какая-то информация, я готов рассказать подробнее.

– Не нужно, Джон, – дружелюбно, но достаточно твердо

ответил Роберт. – Все подробности мы обсудим позднее, когда прибудем на место, осмотримся, и получим развернутый комментарий от всех причастных лиц. А сейчас все собираются, – командир обернулся к нам. – Вам тридцать минут, после чего выдвигаемся. Если зудит задать вопросы о выезде, задайте в дороге. Марш! – и Сборт дал отмашку.

Всё было в суматохе. Военные грузили вещи, оружие, всякие необходимые материалы, обнаруженные на базе, пока Роберт беседовал с Джоном и Виктором в гостиной. Стивен перепроверял списки, трейлер наскоро наполнялся всей добытой утварью. Сара нагрузила Нормана мягкими подушками в расшитых крупными нитками наволочках, и сама аккуратно упаковывала изящную стеклянную вазу с сухоцветами, которая была ею обнаружена в одной из комнат.

Я же, залетев на второй этаж в легком мандраже, стремительно перепроверила свои скудные пожитки. Затянула потуже походный горгоновский рюкзак, помня, что сумка со всякой всячиной все еще валялась на задних сиденьях машины Криса. Мои соседи по комнате так же не медлили; никто не переговаривался, все спешили и торопились, не осознавая до конца, что происходит. Норман с Сарой, наконец вспомнившие про личные вещи и портфели, выскочили из комнаты первыми, поторапливая меня – даже Сэм уже находился внизу, готовый уезжать, – и только я хотела выбежать за ними, как передо мной внезапно возник Льюис. Я отскочила в сторону, как ошпаренная: мужчина с силой захлопнул

дверь, скидывая тут же рюкзак на пол и круто разворачиваясь ко мне. Я машинально отступила на несколько шагов назад под тяжелым взглядом горгоновца.

– Какого хера, Шайер?! – процедил он сквозь стиснутые зубы, поведя головой. Если бы взгляд мог испепелять, то горгоновец уже превратил бы меня в горстку пепла. – Что за игры?! Ты вообще в своем уме?

– А ты? Нам нужно торопиться, у меня нет желания...

– Шайер, черт бы тебя драл! – воскликнул Крис, вскидывая руки. – Ты нахрена одна ушла с базы?! Адреналина не хватает?! Приключений ищешь?! – голос мужчины сорвался на рык; я с усилием сглотнула, качая головой. В горле предательски пересохло.

– Не понимаю, о чем ты, – нахмурилась в ответ. Льюис скривился.

– Ты совсем за идиота меня держишь? – внезапно холодно и спокойно спросил он, заглядывая мне в лицо.

– Я выходила из помещения подышать воз...

– Тебя не было во дворе, когда мы прибыли, – отчеканил горгоновец, перебивая меня. – Шайер!.. – Крис стиснул зубы, закрывая лицо одной рукой, а второй упираясь о талию. Теперь я уже явно видела ходящие на его скулах желваки. Льюис открыл лицо, гневно смотря на меня. – Штефани, я первым делом поднялся на точку осмотра, откуда открывается прекрасный вид на всю округу. И представляешь, что я вижу? – он наигранно развел руками. – Тебя, милая, акку-

ратненько протискивающуюся в ворота!

– Мне было нужно выйти, – сухо отрезала. Отчего-то душили злость и обида. Льюис словно не понимал... Но мне нужно было покинуть это место. Одной. Побороть себя. Ощутить, что жизнь идет дальше. Остаться один на один с собой.

– Нужно было выйти? – воскликнул Льюис. – Нужно было выйти?! Ты какого хера творишь вообще?!

– Перестань повышать на меня голос! – и я сама сорвалась на полурыв.

– Да ты вообще думаешь, какой опасности себя подвергаешь?!

– Да тебе какая разница?! – мы уже не говорили. Кричали друг на друга, усиленно жестикулируя.

– Да потому что мне постоянно приходится тебя из всякого дерьма вытаскивать!

– Не вытаскивай! – я махнула с силой рукой. – К черту, слышишь?! К чертовой матери! Я не прошу твоей помощи!

– Ну и отлично!

– Замечательно!

– Превосходно!

– Прекрасно! – и я рванула вперед, намеренно задевая Криса рюкзаком.

Вылететь из комнаты не успела. Горгоновец перехватил меня за руку выше локтя, задерживая на месте.

– Знаешь, для рискованного журналиста ты слишком хе-

рово врешь, — и я не знала, что меня разозлило больше: то ли то, что меня отчитывали, как провинившегося котенка, то ли то, что в моем профессионализме усомнились.

— Я прекрасно вру, когда мне это нужно! Но знаешь, *милый*, самое главное, что для рискованного журналиста я слишком хорошо говорю правду! Так что засунь свою экспрессию и свои поучительства поглубже себе в зад, плевать я на них хотела!

Льюис на секунду оторопел, изогнув бровь. Я дернула руку назад, вырываясь, и почти прошипела, *делая шаг на Льюиса*.

— Не смей меня хватать за руки. Никогда!

И, круто развернувшись (еще раз ударив рюкзаком горгоновца), я стремглав бросилась прочь из комнаты; промчалась по лестнице, чудом только не упав с нее. Пробежала мимо Михаэля, чуть не сбив его с ног, вылетела на улицу, ничего не замечая перед собой. Мне хотелось ни то плакать, ни то разбить что-нибудь... Но, может даже интуитивно, я подлетела именно к машине Льюиса. Забросила свой рюкзак на заднее сидение и заняла свое законное второе переднее место. От злости из моей головы вылетели абсолютно все мысли о выживших, о том, что нам сейчас вновь предстоит дорога. Я постукивала ногой по полу, шмыгая носом и поглядывая на то, как горгоновцы усаживались по машинам.

Задняя дверь распахнулась; Льюис забросил свой рюкзак, затем уже занимая водительское сидение. Он с силой захлоп-

нул дверь, отчего по всей округе пронеслось эхо, а машину покачнуло. Горгоновец шумно дышал через нос, движения его были резкими и рваными; мужчина завел машину, почти сразу же вызывая Сборта по рации. "Машина 1, Шайер и Льюис. Готовы к выезду".

Я цокнула, скрещивая руки на груди и отворачиваясь к окну. Мотор гудел. Я смотрела на панорамные окна и густо-желтые блики солнечных лучей на светлых стенах здания. В груди защекотало и забилось волнение – в тот миг тревожно воспринималось вновь добровольно броситься в гнетущую неизвестность пути.

Еще через пару минут машины, одна за другой, выехали за пределы территории базы. Машина Роберта первая, за ней следовала наша; потом трейлер, водительское сидение в котором занимал Норман, и заключительной – машина с Михаэлем и Стивеном. Мы свернули направо, на дорогу, которая должны была вывести нас совершенно на другую трассу, существовавшую для меня только серой извилистой полоской на потертой горгоновской карте.

Закрыла глаза, запуская руку в волосы. Половина ночи без сна, изматывающие тренировки и эмоциональная встряска давали о себе знать – чувствовала, как глаза начали слипаться, а голова пошла кругом. Я отвернулась от Криса, кое-как устроилась на сиденье, поджав ноги под грудь.

Страшно ли мне было? Отчасти. Но уверенность в действиях Роберта была сильнее. Впрочем, особенного выбора

в сложившихся обстоятельствах я не видела.

Выжившие казались какой-то выдумкой вскипевшего мозга.

Укутанная в тягучий кофейный аромат, стоявший в машине, под монотонное сопение продолжавшего кипеть Льюиса, я достаточно быстро провалилась в тихий безмятежный сон. Мне ничего не снилось, и впервые за всю жизнь мне было настолько комфортно спать в машине.

Поиски проходят в спешке и под нескончаемый шум, доносящийся из-за закрытых дверей. Роберт обнаруживает в офисе командира поста ручной рычаг для открытия проезда. Льюис, пройдя по коридорам, находит-таки открытую оружейную. Она почти пуста. Несколько упаковок патронов, пара гранат. Одну пачку патронов подбираю я под столом. Там же, среди сгнивших ошметков и разбросанных вещей, находится металлическая вещица. Только взяв ее в руки понимаю, что это. Штамп для клеймения. И по его состоянию нетрудно догадаться, что им уже пользовались по назначению. Когда переворачиваю штамп, чтобы рассмотреть выпуклые элементы рисунка, то на секунду теряюсь: опять тот же символ. Глаз и извилистые линии. В горле пересыхает, я борюсь с омерзением и желанием бросить вещицу; подсознательно уверена, что клеймо предназначено для человека.

– Штефани, – окликает меня Роберт, – идем, проезд от-

крыт.

Я, еле стоя на дрожащих ногах, киваю немного невольно. Кладу клеймо на стол. Поверх бумаг и документов. Бросаю взгляд на изрисованную стену, на коридор со стальными дверьми, в которые продолжают ломиться зараженные (спустя даже время от каждого удара сердце вздрагивает), и спешно устремляюсь прочь, к выходу. После меня уходят и горгоновцы.

Дрогнула, распахивая глаза и мгновенно выпрямляясь. Плед скатился с моих плеч, я недоуменно посмотрела на него, не припоминая, когда успела укрыться. Пахло сыростью и дождем – за окном стемнело, темное небо затянули серые тучи, мелко моросил дождь, и свежий теплый воздух, проникающий через приоткрытое окно, щекотал нос.

Протерла лицо, затем смотря по сторонам. Льюис молча продолжал вести машину; его окно было полностью открыто, и горгоновец держал зажженную сигарету на вытянутой руке за пределами машины. Лесистый пейзаж сменился бескрайними холмистыми полями, позади остался горный хребет. Впереди виднелся темнеющий, выжженный город.

– Богиня Мать, сколько я проспала... – хрипло проговорила, нащупывая под ногами бутылку с водой. Крис даже не обернулся. – Мы едем в тот город?

– Да, – коротко ответил мужчина, сжимая губы в тонкую полоску. – Проспала около десяти часов, – я поморщилась, закатывая глаза и делая пару крупных глотков воды. Шея бо-

лезненно затекла.

– Как прошла ваша вылазка? Как столкнулись с выжившими? – горгоновец сделал небрежное движение головой; он явно не был настроен разговаривать. – Может, расскажешь мне о Грине и о месте, куда мы едем?

– Может, нормально объяснишь мне о том, почему ушла с базы? Почему никого не предупредила? – недовольно спросил Льюис, делая затяжку.

– Так приятно пахнет дождем, а твои сигареты напрочь убивают аромат! Можешь хотя бы сейчас не курить?!

– Чего? – мужчина выгнул брови, с искренним недоумением глядя на меня. – Что ты мне еще скажешь не делать в *моей* машине?

– Ты здесь не один... Уже дурно от этого запаха! Мне плохо. Выкинь сигарету или дай мне пересесть к кому-нибудь.

– Какого же... – прошипел Крис. Сжал зубы, и по его лицу нетрудно было догадаться, что в своих мыслях он уже обложил меня таким потоком красноречивых ругательств, которых мои уши еще не слышали. Он зло швырнул недокуренную сигарету на дорогу. – Я это делаю только лишь потому, что остановись я сейчас и прерви движение колонны – Сборт с меня шкуру спустит. Не устраивает со мной ехать, забирай вещички и со следующего раза проваливай в другую машину.

– Так и сделаю, – проворчала, кутаясь в плед и открывая и свое окно нараспашку. Низкие темные тучи и светлые поля,

засаженные какими-то злаковыми колосьями, разрезали мир пополам. Горы, отраженные в зеркале заднего вида, казались лишь иллюстрацией на книжном развороте. – А теперь перестань фыркать и, пожалуйста, расскажи обо всем.

Крис усмехнулся. Затем без особых эмоций провел мне краткий экскурс: во-первых, в °13-16-8-28 они добыли значительно меньше, чем предполагали (запасы восполнить удалось, но это потребовало значительных трудов, сил и времени). Двадцать восьмой оказался разбит авиационными снарядами, хотя никто из горгоновцев не предполагал, что кто-то обратит на него внимание – уж точно не административный центр, да и не самый большой город местности. Некоторые районы сравнились с землей, другие сильно пострадали от пожаров. Около города располагались ветряные электростанции: большинство ветрогенераторов уничтожено и повреждено, но пара мельниц чудом уцелела и продолжала работу.

Когда горгоновцы уже собирались уезжать, то внезапно наткнулись на небольшую группку выживших, которые также занимались собирательством в °13-16-8-28. Пятеро. Женщина и мужчины, в числе которых и Джон с Виктором. На контакт пойти "пришлось", хотя встреча оказалась "не самой приветливой"; впрочем, недоразумение устранить удалось. После диалога горгоновцы узнали, что большая часть жителей города пыталась эвакуироваться сразу же, когда пошли слухи о распространяющейся эпидемии Северной за-

разы. Люди бросали жилье, машины, пытались как можно скорее покинуть город, уезжая налегке. Кто-то, кто поверил слухам сразу или кого предупредили, спастись успели (как минимум, до ближайшего блокпоста они отправились); другим повезло меньше. Северная зараза накрыла как цунами. Пробки на выездах из города заблокировали людей один на один с зараженными. Паника первых часов осознания, что инфекция добралась до их родного дома, сыграла злую шутку. Люди сами закрыли себя в клетку и выкинули ключи. А затем истребители-бомбардировщики – еще не поднялось солнце, – девятой волной похоронили остатки надежды и тех, кто не смог выбраться.

Из резиденции, выстроенной на холме и находившейся вдалеке от центра, жилых районов (да и, в общем-то, всей инфраструктуры города), Джон Грин вместе с остальными спасшимися наблюдал, как круглый солнечный диск выплывал из-за темной полосы горизонта и озарял полыхающий город. Угасающим эхом замирали в небесах вопли городских сирен. Становилось тихо. До ужаса тихо...

Джон Грин был градоначальником °13-16-8-28. Он вместе с женой и дочерью по какой-то причине выехать из города не смогли, но при этом им удалось уцелеть, и спасти еще пару десятков человек, отказавшихся (или не сумевших) эвакуироваться по разным причинам. Все они укрылись в резиденции, спасшейся и от бомбежек, и от активного внимания уцелевших зараженных тварей, когда те пробудились в

городе. Грин взял выживших под свою опеку. Расселил всех в здании резиденции. Следил (насколько мог) за порядком. Ветряная электростанция питала административное здание, которое, кроме всего прочего, (как и все правительственные объекты в нашем Государстве), было снабжено собственной водонапорной системой, отличным бомбоубежищем и всеми удобствами, в случае необходимости держать оборону. Вода, нагреватели, свет, медицинская комната. Выжившие смогли среди руин города найти и доставить в резиденцию кровати, матрасы, одеяла. Иллюзия нормальности. Фальшивая прежняя жизнь. Большого и не было нужно.

По словам Джона, на данный момент в резиденции находилось около шестидесяти человек. И чем больше становилось людей, тем острее чувствовались проблемы и разногласия, которые Грин не мог полноценно разрешить.

Я не знала, какие эмоции испытывала: то ли радость от того, что мы были не единственными выжившими, то ли ужас от осознания, что весь этот кошмар происходит взаправду, то ли страх перед неизвестным. Избавиться от привкуса сюрреалистичности, эфемерности и фальши пока не удавалось.

Льюис же не дал мне своей оценки происходящего. Воздержался от собственных комментариев и мыслей. Не поделился сомнениями. Не столько, потому что злился на меня, сколько по привычке.

– Ты не выглядишь особо воодушевленным ото всего происходящего, – осторожно заметила я. Льюис скривился, про-

молчав. Я окинула его взглядом: весь пыльный, с темными кругами под глазами, изрешеченными тонкой сеточкой красноватых вен. Уставший, серьезный и абсолютно недовольный вообще всем вокруг. Ко всему прочему, продолжающий злиться еще и на меня.

И, конечно, было можно продолжить молчанку, гнуть свою линию, но направляться к неизведанному значительно комфортнее с расположенным ко мне Льюисом.

– Послушай, я вышла, чтобы перебороть себя. Хотя бы в малом, – сухо бросила, смотря на свои пальцы. – Пыталась *подчинить* страх, – Льюис повел головой, сдавленно выдыхая и сильнее сжимая руль; скривился скептически, посмотрев на меня искоса. – Я могла сказать. Но не посчитала нужным. Решила быть без "подушки безопасности". К тому же, меня бы не поддержали. Даже Норман, – с секунду подумала, – тем более Норман.

– Ну, наверное, – с легкой хитринкой протянул Крис, прищуриваясь. – Выпусти он тебя одну я, конечно, спустил бы с него шкуру, но... Но ты хотя бы была под присмотром. Какого хрена, Штеф, у меня до сих пор в голове не укладывается, что ты совершила такое безрассудство! – он посмотрел на меня, изогнув сведенные к переносице брови. – Как думаешь, что бы на это сказал Роберт, если бы не был занят Грином?! – я молча пожала плечами, на что Льюис тут же покачал головой. – Я не скажу Сборту ни слова, а ты больше не предпринимаешь подобных вылазок.

– Хорошо. *Подобных* больше не будет, – и прежде, чем Льюис успел возмутиться, я махнула рукой. – Не придирайся. Только не ты, – окинула Криса взглядом. – *Тем более не ты.* Я уже наслышана от горгоновцев о твоих своевольных выходках. Долго еще ехать?

– Не очень.

Льюис не соврал. Вскоре мы свернули на западную объездную, оставляя по правую сторону от себя обугленные стены бывших многоэтажек.

Выжженный пустой город. Везде обломки и осколки, везде руины домов. Картинка, которую слишком часто теперь видела за стеклом машины. Чудом уцелевшие улицы и районы выглядели искусственными. Игрушечным конструктором, выброшенным на кенотаф города и людских надежд. Скелеты стальных конструкций. Железобетонные останки лабиринтов проспектов и улиц. Гарью и копотью раскрашены погребенные жилые кварталы.

А там, далеко на полях, стояли несколько ветрогенераторов с неспешно крутящимися лопастями, резко выделяющимися своей белизной на фоне темнеющего неба. Завораживающе. В моем сердце что-то замерло, и я, не моргая, смотрела на эти сверкающие лопасти, вырванные точно из всего происходящего. Таким же магическим казался огромный парк, разбитый между городскими постройками и монументальным зданием резиденции на холме.

– Удивительно, как вы смогли раздобыть все необходимое

во время выезда... – сдавленно выговорила, глядя на город. Льюис как-то особенно болезненно вздохнул.

– Они сбрасывали бомбы на бывшие жилые районы. Центр старались не затронуть, административные и общественные сооружения служили ориентиром, но не целью, – мужчина замолк, переглянувшись со мной. – Зараженные попадают то тут, то там. Нужно быть осторожными и внимательными, – я коротко кивнула, сглатывая и вновь переводя взгляд к ветрогенераторам. Затем к серо-коричневому зданию в неоклассическом стиле. Некоторые стекла резиденции разбиты, но большинство поблескивали в последних солнечных лучах, пробивающихся из-за пелены туч. Портик резиденции местами поврежден, но само здание осталось нетронутым. Двухэтажное, высокое, вытянутое. Богато декорированный фасад. Нижний пояс этажа окружен белоснежными колоннами. Ризалит подчеркивает главный вход, выходящий прямо к городу. Балюстрады венчали террасы верхних этажей. Наличники окон, изгибающиеся карнизы поражали своей роскошью и разнообразием. Причудливые завитки, фронтоны, позолота отдельных лепных деталей... И напротив этого райского места, пригодного разве что для покоев богов, разрушенный сгоревший город.

На улице перед резиденцией было с десятков человек. Все внимательно всматривались, указывая на колонну наших машин.

Мое сердце гулко забило о ребра, делая дыхание преры-

ВИСТЫМ.

– *Крис*, а если это западня?..

– Тогда они сильно пожалеют, что загнали себя в угол, – хрипло ответил Льюис, не повернув головы. Я продолжала смотреть на него. Горгоновец, видимо почувствовав мой взгляд, обернулся, кривя губы в усмешке, – даже если тебе *не нужна моя помощь*, то все равно будь рядом. Хорошо? – я молча кивнула в ответ.

Машина Роберта свернула во внутренний двор резиденции, куда открылись тяжелые кованые ворота.

Груженные сумками, не отходя друг от друга ни на шаг, мы медленно продвигались по коридорам, осматриваясь. Пустота и тишина – на первом этаже заселенных кабинетов не было (как, впрочем, и во всем центральном крыле – нам предоставили несколько обособленное от других выживших место; все жили в пристроенном к резиденции здании, связанным с ней застекленным воздушным переходом второго этажа).

В резиденцию мы попали не через главные двери, где располагалась роскошная парадная лестница, ведущая затем на второй этаж, а через запасной вход западного крыла, что выходил во внутренний двор. Грин спешно и немного сбивчиво рассказывал о правилах проживания в резиденции: не расходовать попросту воду, свет разрешается жечь в определенные часы и определенное количество времени... Сэм воодушевленно шагал рядом со мной, а я поймала себя на том, что чрезмерно насторожена. Вместо восторгов и слез счастья – с опаской поглядывая по сторонам. Горгоновцы в большинстве своем тоже были напряжены; Льюис и вовсе шел впереди, не опуская руки с рукояти мачете.

Большие хрустальные люстры, чудом уцелевшие. Перевернутые стулья из темного дерева, обитые бархатом и расшитые золотыми нитями. Бордовые ламбрекены. Массивные кутасы. Высокие потолки. В другой бы ситуации я замерла в детской восторженности, рассматривая заточенные в потерянные рамы пейзажи.

Кроме Грина нас сопровождала темноволосая девушка с ярко-голубыми глазами лет тридцати, которую Сборт с группой вылазки уже видели. Именно она, вернувшись в резиденцию, занялась приготовлением для нас комнат (и моральной подготовкой людей к появлению военных в этих стенах).

Мы расположились в трех больших бывших кабинетах на первом этаже. В каждом – по четыре спальных места.

На каждом этаже располагалась душевая комната, в кото-

рой находилось по три кабинки. Первый этаж западного крыла был оборудован медицинской комнатой и изолятором, который не использовался.

Когда Роберт спросил (то ли шутя, то ли серьезно) оборудовано ли здесь что-то наподобие карцера, горгоновцы поднапряглись (особенно Льюис, даже на мгновение обернувшийся), но Джон недоуменно покачал головой, ответив отрицательно.

Сама резиденция имела п-образную форму. Наши кабинеты находились в ее восточном крыле; прямо по коридору от нас находились душевые, запасной выход во внутренний двор и еще одна лестница на второй этаж. В западном крыле, соответственно "лазарет". Я уже предвкушала момент, когда можно будет все внимательно осмотреть.

Джон нам предложил первым делом расположиться и обустроиться; позже – представить другим проживающим в резиденции. Сборт эту инициативу поддержал, дав горгоновцам немного свободного времени, попросив, однако, потопливаться. Впрочем, никто медлить и не собрался – работающие душевые кабины. Вода. Можно полноценно помыться. Это захватило мысли: горгоновцы в срочном порядке распределили очередность похода в душ. Я оказалась в тройке последних (вместе с Сарой и Крисом).

Расположение в комнатах осталось неизменным: в одной находился Сборт (у него же хранился весь инвентарь, оружие, припасы, и вещи, не являющимися личными кого-то из

"Торгоны"), вторую занимали Стэн, Стивен, Михаэль. К ним же вынужденно был смещен Сэм. Я останавливалась с Норманом, Сарой и Льюисом. Наш кабинет находился прямо в самом конце коридора. Не успели мы зайти в него и осмотреться, как Карани тут же бросила рюкзак и сумки на пол, метнувшись к пакетам с одеждой. С легкостью она вывалила содержимое всех этих гигантских бумажных свертков на две близстоящие кровати.

– Норман, это специально для тебя! Я когда увидела этот кардиган, сразу решила, что он должен быть на твоих плечах, – Роудез перехватил брошенный Сарой кардиган. Удлиненный, теплый, крупной вязки. Весь цветной, изрешеченный треугольниками, ромбами и линиями. Единственная огромная деревянная пуговица, пришитая яркими желтыми нитями.

Норман был неподдельно доволен; крепко обнял счастливую Сару, пока я опустила рюкзак и сумку на пол, буквально сканируя взглядом помещение. Высокие потолки, метра три с половиной, четыре. Два больших окна, завешанных плотной тканью, отдаленно напоминающей шторы. Четыре простые односпальные кровати без изголовий, стоящие по две рядом друг за другом в два ряда у левой стены. Справа распахнутые шкафы, куда раньше складывали документацию. И сейчас кое-где виднелись остатки сшитых дел и папки с бумагами.

Грин упоминал: когда началась эвакуация, люди приня-

лись спасать документы, отчеты. Подчищать доказательства темных делишек. Опустошать банковские счета. Вывозить ценности. Бумажки, как и всегда, оказались важнее живых людей.

Одинокий обшарпанный стол стоял рядом со шкафом. На столе слой пыли.

Сделала тяжелый шаг вперед, поднимая к потолку голову. Белая побелка местами осыпалась, потрескалась. Шатало здание резиденции не хило.

Горло перехватил спазм.

– Пылью и сыростью пахнет, – выдавила из себя хрипло. Переглянулась с Льюисом, немного растерянно замершим посередине комнаты. Он чувствовал то же самое. – Может, откроем окна, чтобы проветрить? – горгоновец кивнул. Направился вперед. Перехватил оба куска ткани, закрывающих окна, рывком сорвал их вниз. С шумом ткань упала на пол; огромное количество частичек пыли взметнулось вверх и медленно стало оседать в свете пробивающихся через плотную завесу туч солнечных лучей. Горгоновец распахнул настежь окно.

А я продолжала стоять, недвижимая, смотря вперед, за пределы окна, на мертвый выжженный город... И чувствовала, как глаза наполняются слезами. Очень внезапная сильная эмоция. Дикий страх, ужас, паника.

Сделала тяжелый шаг вперед. За ним еще один. Еще один, более уверенный. Выдохнула, выпрямилась. Твердо уже стоя

на ногах, подошла ко второму окну, берясь за изогнутую ручку и с усилием распахивая окно. Жадно глотнула свежий воздух, ощущая тяжесть и усталость в каждой клеточке своего тела...

Повернула голову к Крису, внимательно наблюдающему за мной.

– Мы будем закрывать их чем-то более чистым, – проговорил он, толкнув ногой валяющуюся около его ног ткань.

– Можем снять шторы в коридорах, – я натянула на лицо улыбку, – те выглядят роскошно.

– Отличная идея, – мужчина ухмыльнулся.

– Абсолютно солидарна, – раздался бодрый голос Сары позади. Я обернулась, посмотрев на девушку, сидящую на кровати в окружении разной одежды, уже разложенной на четыре аккуратные кучки. – Разбирайте, котики, – и с этими словами она подтолкнула одну из кучек Норману. – Где чья кровать будет?

– Можно я в уголке? – спросила осторожно.

– Я буду на кровати рядом, – пожала плечами Карани, – мужчины пусть тогда спят во втором ряду.

– Моя кровать у стенки, – быстро проговорил Льюис. Норман лишь развел руками, состроив гримасу, мол, "заберу, что осталось".

У меня наконец-то появилась сменная одежда. Грубые высокие ботинки, носки на любой вкус и цвет. Пара футболок, водолазок, объемный свитер; черные штаны, кроєм похожие

на военформу (теперь, в комплекте с черным верхом, я могла слиться с горгоновцами), и еще куча всякой всячины. Не удержавшись, выпросила у Льюиса болотного цвета трикотажную рубашку, которую Сара принесла ему. Крис поворачивал для приличия, но рубашку мне отдал, чему я была несказанно рада.

Пока все осматривали и раскладывали добытое Сарой добро, она незаметно сунула мне немалый бумажный пакет – я даже ахнула. Там было невероятной красоты белье.

– Не сдержалась и набрала нам по пакетику, – протянула она с наигранно оправдывающейся интонацией; а я была искренне ей благодарна и до безумия счастлива. Мне ужасно хотелось переодеться во что-то чистое и свежее.

Когда наконец наступила наша очередь принимать душ, и мы зашли в эту просторную комнату с тусклым освещением, уже душную от горячих паров, в первые секунды я попросту не могла пошевелиться. Во-первых, трудно было поверить в невероятное счастье и небесную благодать, ниспосланную нам в виде воды и душевых кабин. Во-вторых, нельзя было пропустить мимо глаз невероятную роскошь: мраморная облицовка, три большие кабины с матовым непрозрачным стеклом. По другую сторону у стены пара раковин, большие тумбы со стеклянными полочками; огромное длинное горизонтальное зеркало во всю стену. Внутри кабины, где стояли аккуратные шкафчики для вещей – еще одна кабинка поменьше, где, собственно, и располагалась душевая.

Грязную одежду на пол, чистую – на полочку шкафчика. Осторожно переступила порог душевой, закрывая дверь. Я слышала, как вода сначала включилась у Сары – ее восторженный возглас разбил тишину. Затем и Льюис подал довольный голос. Оба стали переговариваться, не веря в то, что стоят под горячей водой. Восторг на грани истерики. А я все еще не могла шевельнуться. Мясась с ноги на ногу, осматривая свои руки и ноги. Когда дрожащей рукой повернула кран, когда горячие струи воды ударили в спину – дрогнула, сжавшись. Почувствовала, как слезы вновь так некстати подкатили. Запрокинула голову, подставляя лицо струям воды и убирая волосы назад. Оперлась ладонями о стену, закрывая глаза, в беззвучном крике раскрывая рот и содрогаясь от рыданий.

– Шайер? – внезапно обеспокоенно окликнул меня Кристофер. – Ты в порядке? – я открыла глаза. Стиснула коло-
тающиеся зубы. Выдохнула через нос.

– Да, да... – проговорила спешно, затем на секунду зажимая рот тыльной стороной ладони. – Все *прекрасно*. Просто не верится...

А во что не верилось? Во все, в общем-то.

Я словно не чувствовала себя, своего тела. Вода была крупными упругими струями, вроде даже слишком горячая для меня... Но я вновь и вновь намыливала голову, тело, стараясь смыть с себя воспоминания. Стараясь смыть с себя страх, боль, опустошение. И плакала вроде бы. Беззвучно,

даваясь собственными всхлипами. И дыхание перехватывало, и все тело словно в судорогах. Я чувствовала, как устала, как болит каждая мышца, каждый сантиметр. Я чувствовала, как сердце рвется от тоски и обреченности... Раз за разом, вновь и вновь поднимала лицо под струи воды, желая смыть это все навсегда. *Избавиться от этого навсегда.*

Вода действовала успокаивающе. Замереть бы так, простоять нескончаемое количество времени.

Было нужно перестроиться. Было нужно взять себя в руки. И не было нужно принимать решения от отчаяния... Я ведь знала себя. Несмотря на давление, несмотря на сложности – не ушла бы, не отступилась; продолжила бы бороться. Всегда так было. Во все темные и тяжкие времена. Когда не хотелось просыпаться по утрам, да и существовать в принципе не хотелось – поднималась, изображала подобие уверенности и спокойствия на лице, и шла дальше.

Всегда так было. А сейчас предел. Точка невозврата. Последняя капля. Перейденный рубеж. А что за ним – непонятно. Будто бы спустя столько лет мнимого морального восстановления раскрыла глаза и увидела, что не вынырнула из болота, но еще сильнее и глубже затянулась в трясину. Коллапс внешнего мира открыл завесу разрушенного внутреннего.

Выдохнула. Зажмурилась. Замерла под бьющими струями воды. Дыхание размеренное, глубокое. Хотелось выпить хорошего кофе и завалиться в мягкую постель. Укрыться с головой и долго-долго спать без единого сновидения.

А еще лучше, вместо кофе позаимствовать у Нормана его волшебную фляжку с целебным зельем.

Хлопнула дверь в одной кабинке; я не помнила, выходили ли уже со второй, потому решила поторопиться, но время будто остановилось, и я не помнила, сколько еще простояла почти без движения. Наградой мне было несравнимое чувство чистоты и легкости.

Я выключила воду, с секунду спокойно смотрела вниз на то, как вода уходила в слив. И после секундного спокойствия зарыдала вслух. Горько так, болезненно. Заскулила, захрипела, давась слезами. А потом разозлилась. С остервенением перехватила предплечья, ногтями вцепившись в кожу и стискивая зубы. С каким-то ожесточением выругалась, ударив основанием ладони по перегородке с соседней кабинкой. А затем еще раз. И еще, еще, еще, пока болью не отдалось в запястье... Выдохнула сдавленно, убрала волосы назад. Выдох. Быстро вышла из душевой. Скоро оделась. Вискоза водолазки была тактильно приятна. Я провела рукой по рукаву, затем обнимая себя за плечи... Сердце ровно билось в грудной клетки. Стало спокойно и легко.

Натянула плотные черные штаны, похожие на форму; завязала берцы, схватила пожитки и вылетела из душевой кабины, затем замирая на месте. У раковин стояла Сара, облокотившись о стену и скрестив руки на груди.

– Крис попросил удостовериться, что ты в порядке, – спокойно доложила она, однако участливо всматриваясь в мое

лицо. — Но, судя по всему, все не так прекрасно, как ты говорила, — я нехотя подошла к запотевшему зеркалу, вытерла его, всматриваясь в свое отражение.

— Все в порядке, — ответила твердо, обернувшись к Саре. Та цокнула.

— Ну, это звучит почти убедительно, — хмыкнула, сделала шаг ко мне, захватывая в свои крепкие объятия. — Котик, говорю *нашим* оболтусам, и тебе скажу: не держи эмоции в себе, хуже будет. Лучше выскажи, выкричи, выплачь. Не держи в себе. Если тебе будут нужны мои уши или мое плечо, помни о том, что я рядом.

— Я бесконечно благодарна тебе, Сара. Правда, — я отпрянула от девушки, посмотрела ей в глаза. Улыбнулась искренне и мягко.

— Хотя бы в этом случае ты говоришь откровенно, — лицо Сары просеяло. — Крису, так понимаю, говорить о слезах мы не будем? — Карани лукаво сощурилась, а я спешно закивала.

— Я понимаю, что всем нам страшно. Что все растеряны и опустошены, но смотря на вас, я стараюсь соответствовать и держаться. Так сказать, следуя завету Льюиса "не отчаиваться".

— Знаешь, Штеф, как бы Крис не продвигал эту идею в массы, он сам порой забывает об этом. Или предпочитает забыть. Так или иначе, нужно собственный непоколебимый стержень иметь, чтобы действительно постоянно себе об этом завете напоминать. Как бы там не было, мы ведь бой-

цы не по профессии, а по духу? А потому все нам под силу. Прорвемся, правда? – я обмерла, глядя на Карани. Она говорила именно то, что мне было *нужно услышать*.

– Прорвемся, – утвердительно кивнула. – И со всем справимся. А теперь пойдем ко всем, боюсь, мы выбьемся из данного Робертом времени. И, если прямо совсем разоткровенничаться, нужно поспеть, пока Норман не опорожнил свою фляжку.

Поздним вечером, как Грин и обещал, мы были представлены другим выжившим. Все это происходило в большой столовой, находившееся не в самой резиденции, но в примыкающем к ней здании (как раз в том, где и обосновалась большая часть остальных проживающих здесь людей) – это было трехэтажное сооружение вытянутой формы и соединенное со зданием резиденции общей галереей второго этажа.

Пока Грин в сотый раз описывал то, как здесь проживают спасшиеся, я этих самых людей жадно рассматривала. Были дети, были подростки. Мужчины, женщины, темные, светлые; одетые с иголочки и оборванцы. Были все. Загнанные и напуганные, потерянные и абсолютно спокойные. Были и те, кто нас осматривал с большим интересом и скрупулезностью, чем мы их.

Наконец нам была представлена та темноволосая девушка – Виктория Кремер. В лучшие времена работала врачом, и теперь следила за медицинской комнатой. С горгоновцами

она сразу попыталась найти общий язык. Крайне доброжелательно со всеми беседовала, представила нам брата-близнеца Даниэля и младшую сестру Монику, которая, в отличие от брата с сестрой, могла похвастаться копной светлых кучерявых волос и миловидным личиком.

Грин указал нам и на свою юную дочь – Эмми; она держала в руках блокнот, в котором в дальнейшем аккуратно вывела наши имена. Пока девушка записывала, я заглянула через ее плечо – не считая нас, в резиденции находилось пятьдесят восемь человек.

Самое удивительное, что эта книга с именами здесь проживающих, была единственным, что объединяло их. Дисциплина и контроль, ставшие для меня столь привычными из-за нахождения среди "Горгоны", здесь не осуществлялись от слова совсем, а руководящая роль Грина существовала чисто номинально. Все, чем он здесь заведовал, была книга с именами, да связка ключей от кабинетов. У каждого свои припасы, каждый делал, что хотел и когда хотел; мог спокойно покинуть территорию резиденции, мог возвращаться, когда заблагорассудится. Режим потребления света и воды, о котором нам так много говорили, соблюдался тоже не идеально; когда Сборт узнал, что дежурства не назначаются, и вовсе помрачнел, хоть и промолчал.

С особенным интересом нас разглядывали дети. Их было человек двенадцать; все сидели поодаль, за длинным столом. Судя по всему, детей специально посадили подальше, ведь

и взрослые оглядывали горгоновцев *с опаской*. Вскоре я поняла, что *на меня*, смотрят с таким же выражением, как и *на военных*. Я стояла *с горгоновцами*, была одета *похожим на них образом*. И если Сэм стоял, улыбаясь, воодушевленный, благодарный и искренне счастливый, то я скорее скептически осматривалась, анализируя окружающих меня людей.

Сборт был напряжен. С каждым движением Грина, с каждым шевелением среди собравшихся, с каждым новым словом или пояснением Роберт все серьезнел. Последней каплей, как мне кажется, стала настоятельная просьба Джона о том, чтобы военные не передвигались на территории резиденции с оружием. Роберт ни то закашлялся, ни то засмеялся. Он поднял в успокоительном жесте руки.

– Нет, – коротко и четко сказал он, и его полный внутренней силы голос в глухой акустике зала звучал куда убедительнее, чем голос Джона, – мои ребята имеют полное право иметь при себе оружие. Если у вас не налажена система охраны от внешних и внутренних угроз, я считаю вполне обоснованным иметь при себе средство самозащиты, – Сборт говорил спокойно, с расстановкой. – Я не иду на конфликт, и принимаю возможность дискуссии и нахождения консенсуса. Завтра с утра, на свежую голову, предлагаю обсудить все детали нашего сосуществования. *И прочие вопросы*. А сегодня, Джон, мы побеседуем один на один; полагаю, нам есть что обсудить.

– Безусловно, безусловно. Но, все же, об оружии. У нас

не так много правил, и потому я настоятельно прошу вас выполнять имеющиеся, – постарался вставить Грин, но он волновался, и его дрогнувший голос был... Чуть менее веским.

– Ваши правила не имеют никакого смысла без четкого их структурирования и ясной системы санкций за их нарушение, – Роберт чуть улыбнулся, качнув головой, – стараясь контролировать в мелочах, вы теряете общую дисциплину, а это всегда грозит... *Неприятностями*, – осторожно проговорил он, окинув притихших людей взглядом. – В условиях нынешней ситуации вам нужна не только охрана и защита, ради чего, собственно, *вы* и пригласили *нас* сюда. Но это, опять же, я предлагаю обсудить все детально и поэтапно. Есть даже незначительные вещи, которые стоит, однако, обговаривать без лишних ушей, – Сборт кивнул на малышню. Грин переглянулся с группой людей за ближайшим столом. Те сдержанно, некоторые и нехотя, кивнули.

– Тогда обсудим все поэтапно, – выдохнул Грин, повернувшись к Роберту. Тот глянул на часы.

– Пятнадцать минут одиннадцатого, – почти про себя проговорил командир. – Джон, подойди в *мой* кабинет минут через тридцать. Остальным до утра, – и, не одарив прочих собравшихся и взглядом, повернулся к горгоновцам. Махнул рукой, все спешно покинули свои места, скоро направляясь к дверям из столовой. Когда выходили, Роберт тихо сказал, чтобы слышали только мы, – сейчас все идете за мной.

Все молчали.

Роберт расположился на высоком кожаном кресле за столом у окна, сцепил руки в замок и, похлопывая большими пальцами друг о друга, молча наблюдал за нами. Только Крис, стоявший у окна, не попадал в угол обзора командира. Льюис был хмур и сосредоточен.

Михаэль ходил из угла в угол, напряженно думая и перехватив руки за спиной. Норман баловался с монеткой; за ним меланхолично наблюдала Сара. Стэн сидел на полу, облокотившись о стену и закрыв глаза. Стивен просматривал старые документы из шкафа, а мы с Сэмом аккуратно сидели на темно-зеленом диване; Сэм, боясь пошевелиться, и я, опершись о ноги предплечьями.

Каждый занимался чем-то своим, витал в своих мыслях, и не думал нарушать тишину, воцарившуюся с момента нашего выхода из столовой. Невидимое напряжение практически ощутимо почти на физическом уровне. Никто не решался начать говорить, потому что было непонятно *с чего начать*.

Я украдкой посмотрела на Сэма; нет, он единственный не был *напряжен* и взволнован. Его все устраивало, и я была почти уверена, просьба Грина "не разгуливать военным с оружием" пришлась Дорту по душе.

Сборт тяжело выдохнул, откидываясь на спинку кресла.

С потолка свисала дорогая люстра, в которой работала лишь пара лампочек, отчего кабинет освещался тускло. *Но освещался. Светом из лампочки.* Хрусталь поблескивал разноцветными переливами, завораживая чужеродностью в вакханалии сумасбродных мрачных и жутких дней.

– Что ж. Нам предложили сотрудничество, – наконец возвестил Сборт, – удобства в обмен на помощь в урегулировании вопросов безопасности. Судить обо все пока рано, – Роберт неоднозначно пожал плечами, – Грин сам не знает людей, собравшихся под одной крышей. Вы уже наслышаны об исчезновениях, верно же? Маловероятно, что кто-то самостоятельно решил бы покинуть это место. Особенно в нынешних условиях, – командир выждал небольшую паузу. – Велика вероятность, что в резиденции кто-то *подчищает лишних*. Исчезновения начались почти сразу, как люди обосновались. Семеро пропавших примерно за три недели. У некоторых из них остались здесь родные. Мотивации, чтобы покинуть резиденцию по собственной воле, ни у кого не наблюдалось.

– Заделаемся телохранителями? – скривил губы Стэн.

– Скорее проконсультируем, – Роберт вновь посмотрел на каждого. – А сами обживемся на какое-то время. Уж лучше с водой и хотя бы каким-то электричеством, чем в лесу на базе отдыха, где из плюсов разве что удаленность от возможных скоплений живых трупов.

– Здесь дети, – надломлено проговорила Сара, – женщи-

ны, старики. Люди, которые и в лучшие времена не всегда могут за себя постоять. Как можно было так наплевательски относиться к своей сохранности? На вид никто и не стремиться сделать это место безопасным.

– Они считают, что главное находиться в отдалении от зараженных. Забаррикадировались здесь и дело с концами, – Льюис перевел взгляд на Роберта, – но забыли, что угроза исходит не только снаружи, но и изнутри. Кто скрывается среди этих людей? Сколько в этих исчезновениях правды, сколько домысла? Почему Грин даже не попытался наладить охрану, когда люди стали исчезать? Что за "совещательный совет"? Какая его роль?

– Ты уже задавал эти вопросы. Но тебе на них разве что Джон ответит, да и в этом я ни до конца уверен, – Роберт тяжело вздохнул. – Но людей он собрал. Может, твердости и жесткости ему не хватает, но авторитета он вроде не потерял; Виктор говорил, что люди в резиденции любят и уважают его.

– Он бывший градоначальник, – презрительно скривился Кристофер в ответ. – Это не любовь, и не уважение; это стокгольмский синдром

– Почему мы не едем к Старым рубежам? – внезапно спросил Михаэль, поднимая голову. Внутри у меня дрогнуло, даже показалось, что кровь отлила от лица. Командир же остался невозмутим, ни одна мышца не дрогнула. – Почему, Роберт?

– Здесь мы сейчас нужнее.

– Это не ответ.

– Ты забываешься, Миха, – голос Льюиса угрожающе тих. Роберт почти незаметно приподнял пальцы в знакомом жесте: "стой". Напряжение, способное в любой момент обернуться взрывом...

– Мы так много намотали кругов, – вырвалось из меня в попытке перенаправить горгоновское внимание, – столько проколесили дорог, пытаясь найти безопасный путь. Не мне напоминать о тех таможенных заграждениях, которые мы так и не смогли миновать, как долго искали пути их объехать, найти другую трассу, – под взгляды военных я замочла, испугавшись, что влезла ни туда. Но Роберт согласно кивнул, и взгляд его не был осуждающим: на душе стало чуть легче и свободнее.

– Как одно из объяснений, – Сборт пластично указал в мою сторону. – До Рубежей далеко. Мы не знаем, какие еще границы окажутся перекрыты, на каких трассах нас ждут пробки из оставленных машин, и сколько заполненных зараженными городов нам будет нужно пересечь. Для такого броска нужно быть абсолютно готовыми и снаряженными. К тому же, сейчас Рубежи как никогда укрепят позиции. Прорываться туда на данный момент нам незачем. Рациональнее подождать.

– Но приёмник...

– Связь давно работает с большими перебоями. Слишком

серьезными, чтобы быть уверенными в ее скором и полном исчезновении.

– Нам будет комфортно переждать здесь, пока дальнейшие действия непонятны, а мы нужны здешним жильцам, – Норман шмыгнул носом. – Мы сможем найти общий язык. По крайней мере, постараться. Если нашу помощь захотят принимать, то примут. Не захотят, нам же проще; за себя-то мы уж точно постоим, кто бы здесь не промышлял.

– Да и *против нас* только конченный долбоящер рискнет предпринимать какие-то действия, – вторил Стэн. – Если выбирать между парилкой в машине на дороге и возможностью принять душ и поспать лицом в подушку, я выберу второе.

– Нам некуда спешить, такую бурю лучше переждать, – поддакнула Сара. – Да и люди здесь напуганы. Не думаю, что нас сильно затруднит немного помочь.

– Тем более, мы были и останемся самостоятельны. Никто нас ни с кем не связывает. Мы можем в любой момент уехать, – согласно проговорил Стивен. Роберт молча выслушивал каждого.

– Это же *тоже* люди, *тоже* выжившие, – внезапно проговорил Сэм. Я в удивлении глянула на друга, никак не ожидая, что он вступит в разговор. – Мы должны держаться вместе, разве нет?

– Может и так, – выдохнул Михаэль, – но доверять мы им не можем. Следует быть осторожными, – слова Боура встречены общими выражениями согласия.

– Да, конечно, здесь есть потенциально... Опасные, – я пожала плечами, оглядывая горгоновцев, – но большинство действительно *просто выжившие, которым нужна помощь*. Я говорю со стороны человека, которому *вы жизнь спасли*. Я представить боюсь, что случилось бы, останься мы с Сэмом одни.

– О, а я бы хотел взглянуть на тщетные попытки Сэма удержать тебя от очередной бесноватой авантюры, – хохотнул довольный Льюис.

– Крис, если Штеф тебя сейчас придушит, я даже не буду ее останавливать, – Роберт посмеялся, а я все продолжала неотрывно смотреть на Льюиса, и правда готовая в ту секунду стереть нахальную ухмылку с лица горгоновца. – Впрочем, опуская ваш трепетный обмен нежностями, я бы хотел вернуться к насущным вопросам.

– Если мы нужнее здесь, значит будем здесь, – пожал плечами Михаэль. Горгоновцы вновь поддержали позицию Боура.

– В таком случае, не хочу вас больше задерживать. Отдыхайте все сегодня. Выспитесь. Завтра обозначу фронт работы, – Роберт опустил руки на стол. – Единственное, скажу сразу. Особенного расположения к себе не ждите, *впрочем, как и всегда*. В конфликты и споры не вступаем, – командир глянул через плечо в сторону Льюиса. Тот развел руками. – Оружие при себе имеем, присматриваемся, прислушиваемся, выстраиваем общение. В критической ситуации все мол-

ниеносно собираемся и покидаем здание; пока ситуация не прояснится, дежурство будет проходить прямо в коридоре. Потом на крышу поднимемся... – Роберт глянул на меня. – Как успехи в обучении, Штеф?

– Думаю, наиболее объективно ответят горгоновцы, – на секунду задумалась. – Стараюсь, Роберт, – Сборт кивнул.

– Схема остается прежней, никаких занятий ты не пропускаешь. Через пару-тройку дней начнешь заниматься с Крисом, – я сдавленно выдохнула, покосившись на Льюиса. – На этом мои распоряжения на сегодня завершены.

Разошлись, потерявшись в раздумьях. Действительно было над чем поразмышлять – начиная от того, в какое место мы попали и как теперь себя здесь вести, заканчивая осознанием, что *помимо нас есть выжившие* и, возможно, еще не все потеряно... Наверное.

Состояние у всех было специфическое, а решение Сборта разрешить всё утром каждым воспринялось положительно. За ночь многое может перемениться, да и принимать решения или делать выводы во время эмоциональной встряски никогда не считалось разумным решением.

Хотя для себя я за тот день кое-что да вынесла. Во-первых, никогда нельзя было недооценивать себя. Во-вторых, нельзя было раньше времени ставить крест на чем-либо. В-третьих, с тобой могли выходить на конфликт не только из-за неприязни, но и из-за боязни. Главное: если ты мог за себя постоять – тебя опасались. И лучше уж представлять охотни-

ком, чем загнанной дичью.

Окна в кабинете оставили открытыми и свалились на кровати абсолютно обессиленные и потрясенные. Перебросились парой фраз; не прошло и пары минут, как Сара засопела, свернувшись калачиком и укрывшись до самого носа. Норман развалился, раскинув руки и раскрывшись. Изредка похрапывал.

Я уснуть не могла. Крутилась, вертелась, то с опаской поглядывая на окно, то выискивая тень за шкафом, то рисуя силуэты за дверью... Но знала, что за дверью наш покой бережет Роберт, а в комнате никто нас не побеспокоит – Льюис спит чутко, и с любым обидчиком расправится быстрее, чем я щелкну пальцами; за окном тоже никого не было – лишь пустота ночи и высокий кованый забор, так умело переплетенный, что и самый мелкий зверь не пробрался бы на территорию резиденции.

Но сна все равно не сыскать. Слишком чистая голова. Слишком взволнованное сердце. Я чуть приподнялась на локтях, всматриваясь в темные очертания мебели; затемглянула вперед, пытаясь увидеть, спит ли Кристофер. Вздохнула, гонимая секундным порывом подползла к краю кровати – между нашими спальными с Крисом местами было сантиметров тридцать. Я замерла, а мужчина вдруг перевернулся на спину и, запрокинув голову, посмотрел вверх, на меня.

– Чего не спишь? – спросил он шепотом. Я пожала плечами. – Решила все-таки меня придушить?

– Предпочла бы это сделать, когда ты бодрствуешь.

– Необычный выбор для ролевых игр, но если ты настаиваешь, – я легонько ударила горгоновца по лбу; Льюис, шикнув, наигранно скривился. – Не нужно избивать меня раньше времени, наши тренировки еще не начались.

– Кстати об этом, – горгоновец страдальчески вздохнул. – Можешь начать заниматься со мной не через "пару-тройку дней", а прямо *завтра*?

– Не вывезешь, – качнул головой мужчина.

– Вывезу. Будем постепенно наращивать объем работы, за что ратует Норман.

– Ну, давай попробуем, – Крис ответил не сразу, – только тогда нам точно нужно нормально поспать, иначе сил попросту не останется, – я быстро улеглась, не меняя своего местоположения: головой – в сторону Криса, ногами к окну. С этого ракурса открывался вид на небесный пейзаж за стеклом. Ультрамаринового цвета небо, россыпь жемчужных звезд-бусин... Рука моя выходила за пределы кровати, но монстров под ней не было – все монстры жили снаружи этих кабинетов. А некоторые и в нас самих. Скрылись под ребрами, бесновато плясали в сердцах.

Дышала размеренно и глубоко. Льюис завел руку за голову, мы столкнулись кистями. Недолго думая, перехватила мизинец Криса своим – горгоновец ответил на этот эмоциональный жест.

– Знаешь, Крис, я думаю, что эта резиденция слишком

роскошна даже по меркам реалий Государства. Да и в целом достаточно странное место, не находишь? – Льюис не ответил, внимательно слушая. – Здесь почти нет символики Трех. Совсем ничего. А разве мог градоначальник оставить резиденцию без правительственных символов? Да и в целом... Почему почти все расположились в дополнительной пристройке, и только несколько человек в главном корпусе? Почему сегодня, когда я спросила у Виктора про Грина, он сначала спросил "про которого?", и затем выглядел так, будто лишнего сказал? Плюс, ты заметил, здесь есть лестница на цокольный этаж. Нам вообще ничего об этом не упоминали. А вдруг там есть что-то, что угрожает безопасности? Да и что может заставить кого-то "*подчищать лишние*"?

– Шайер, для начала проспись и, молю тебя, не впутывайся ни в какие авантюры, – ни то фыркнула, ни то цокнула. – Не встревай ни во что сама, и не смей что-то делать вне осведомленности Роберта, он тебе за это спасибо не скажет. Хотя, знаешь, лучше вообще ни во что не ввязывайся. Хорошо?

– Я не могу обещать то, что вероятнее всего не выполню.

– Уж постарайся выполнить.

Я тяжело вздохнула. Серебристые точки звезд, раскиданные по небу чьей-то неведомой волей, умиротворенно поблескивали.

– Тогда держи меня в курсе происходящего, Крис. Насколько сможешь.

– Да вроде и Роберт особенно тебя не отгораживает от ин-

формирования. А теперь спи и восстанавливайся, для нового дня нужны новые силы.

– Добрых снов, Льюис.

– Спи спокойно, милая.

И я правда быстро уснула. Уже во сне вновь и вновь перекручивала в голове увиденные интерьеры и встреченных людей. Вспоминала сумасшедший, нервный и суматошный ушедший день... И почему-то снег снился. Он валил с неба крупными хлопьями. Укутывал меня, лежащую не земле и устремившую взгляд наверх. Пальцами ощущала холод и кровь.

Так многое свалилось на голову – не успевали осмыслить, переварить.

Шум от хлопка двери машины кажется значительно громче, чем он есть на самом деле. Через мгновение Крис кладет передо мной на панель две тугие сшитые пакки.

– Подумал, что тебе будет интересно. План блокпоста, устав, положения о досмотре граждан и транспортных средств, – Льюис немного кривится, разминая предплечье руки, на котором виднеется сильный кровоподтек. – На полу валялись.

Я молча кладу на панель (уже перед Крисом) пачку патронов: своеобразный обмен состоялся. Признать, мне приятно, что горгоновец подобрал и принес мне бумаги. Насколько бы скептически он не относился к моему любопыт-

ству и "бесполезным тараканьим бегам за истиной", папки все равно забрал.

В тишине гудение моторов превращается в настоящий рев.

— Мне казалась, что здесь будет столпотворение. А дорога пуста, машин почти и не было.

— Чтобы заторы образовались у таможен, да и в принципе вне города, люди должны были из этих самых городов выбраться, — горгоновец пожимает плечами, и доля правды в его словах есть. Мы не встречаем пробок на трассах там, где люди даже не смогли выехать на магистрали.

Крис опускает ручник, выкручивает руль, вполоборота глядя на таможенный пост. Там, за закрытыми дверьми, до сих пор бьются зараженные. Я не слышу их ударов, их гортанного рокота, но эта какофония звуков продолжает греметь в моих ушах отчетливо и ярко.

Машины выезжают на мост.

Я тяжело сглатываю — мы держим курс в Центр, к Старым рубежам. Роберт все еще получает оттуда обрывчатые локальные донесения, какую-то информацию, хотя нам ее не оглашает; нам лишь известно, что Северная зараза уже добралась до тех мест, и нещадно сжирает все на своем пути. Горгоновцы, в большинстве своем, считают, что Рубежи должны выстоять. Да и это сейчас единственное место, куда можно стремиться, и на которое можно надеяться.

Длинные белые подвески арочного моста напоминают тюремную камеру.

Мне страшно от собственной беспомощности и бессилия. Я могу только смотреть, как пламя пожарниц разрастается, могу только слышать отдалённый грохот от взрывов. Я не способна никому помочь. Не способна помочь самой себе – и от этого прочего пугает.

Украдкой смотрю на Криса. У него раскрасневшиеся глаза, под которыми лежит темная синяя тень.

– Может, после следующей остановки поведу я? – спрашиваю осторожно, уже не в первый раз; обычно ответ на этот вопрос отрицательный, но сейчас горгоновец выглядит совсем разбито.

– Не люблю, когда за рулем моей машины сидит кто-то еще, – Льюис не поворачивает ко мне головы. Вытирает глаза рукой, затем кладет руку себе на шею. Думает с секунду. – Ладно, но только в этот раз. После остановки поведешь ты, а я немного вздремну.

Под пепельными облаками тлеет лунный диск.

Наступило удивительно прохладное утро. Еще не рассвело; легкая сонливость мгновенно прошла, когда я выскочила трусцой за Роудезом на улицу, – с вечера мне думалось, что сегодняшнюю утреннюю тренировку мы пропустим, но Норман растолкал меня, еще шести не было, – обволакивала ощутимая свежесть, граничащая с холодком. Мы вышли во внутренний двор резиденции – большое пространство, лю-

дей нет, со всех сторон ты окружен зданиями и застройками разного назначения.

Норман *присматривался*, почти сканировал взглядом пространство, чтобы потом доложить Сборту.

– Сейчас разминку сделаешь и на интервальный перейдешь, – бодро бросил мужчина, разминая шею. – Я пока подготавливаю препятствия и подумаю, где отжимания и подтягивания будет лучше делать. А потом пройдем по классике, хорошо? – я кивнула, не отвечая вслух, дабы не сбить дыхалку.

Вообще, горгоновцы в более-менее спокойные дни всегда находили время хотя бы для одной тренировки. Зарядка, даже с минимальными нагрузками, уже была для них вполне привычным делом, выполняющимся на каком-то автомате в полусонном состоянии. Они даже не обращали на это внимания. Также машинально горгоновцы начищали берцы до блеска, и с завидной регулярностью чистили оружие (один раз, когда Сара проводила для меня очередной урок по огнестрелу, Роудез сидел рядом и разбирал пистолет припевая себе под нос "Оружие и женщин воспринимай как связку; чистоту ведь любят, твою ласку да смазку"; под наш недоуменный с Карани взгляд и гомерический хохот Льюиса Норман смутился и поскорее ретировался, однако успев заменить растянутую пружину магазина).

Я сама пыталась втянуться в горгоновский ритм, полюбить его и проникнуться им. Вроде получалось – тренировки, по крайней мере, в особенности утренние, поглощали ме-

ня полностью. В голове не оставалось никаких мыслей, кроме как *немножечко перевыполнить*. Здесь лишние метры, там мышечная нагрузка сверх – по минимуму, чтобы оставаться бодрой и на ногах, но все равно *чуть больше*. Это становилось поводом маленькой гордости за себя, подначивало и мотивировало. Делаешь что-то – делай хорошо или вовсе не делай.

Норман поддерживал, но не давал спуска. Подгонял, усложнял, увеличивал объемы нагрузки с каждой новой тренировкой. Хвалил только по окончании. Много шутил. В перерывах мы запевали какие-то старые танцевальные песни, поднимая тем себе настроение. И я была бесконечно благодарна ему.

Когда после тренировки осознала, что можно сходить в душ, то чуть не заплакала от радости: это казалось таким невозможным и удивительным после прошедших недель.

Затем завтрак. Назначение дежурств; у комнат в первую половину дня оставалась Сара. Роберт предложил обсуждать дела с Грином ближе к обеду – почти все жители еще спали (что меня, уже перекроившую режим под горгоновский, немного поразило). Оставалось время до двенадцати часов, за которое я прослушала лекции Стивена и Стэна, испив еще пару страниц блокнота. Тарэн делил свои занятия условно на две части: теория и практика, когда мы выходили на улицу. "Конечно, – говорил он, – опыт ориентировки по местности в черте города был бы более полезен и прак-

тически направлен; организуем по мере возможности". Стэн дельно расписывал все основные аспекты темы, начиная от разности местностей, заканчивая способами отметить свое местоположение. Рассказывал о ключевых сигналах командира, описывал вариации работы с ХИСами и фальшфайерами.

Потихоньку скорость моей реакции начинал тренировать Кристофер, самым, наверное, странным способом: внезапно кидал в мою сторону любой, попавшийся ему под руку, предмет. Мне необходимо было его поймать и не выронить, а еще – не отбить и не травмировать себе руки. Вообще, Крис еще долго будет промышлять такой "тренировкой": швырять мне что угодно, начиная от карандаша, заканчивая чем-то более увесистым, а порой и жутко острым.

Что касается Стивена, он успел в тот день рассказать об оптимальном распределении ресурсов; о пайках, нормах питания, о том, что следует брать из магазинов, а чего нужно избегать. Подкинул пару рецептов, описал минимальный набор для выживания, рассказал подробнее о наполнении походного рюкзака горгоновцев – расписал мне каждую вещь, показав и научив применять. Наконец, спустя столько времени, я искренне полюбила мультитул, признав его необходимость.

Я отдавалась тренировкам и занятиям. Погружалась в них. Забывалась в них... И это меня спасло. Когда мир вокруг рушился, я не сошла с ума только лишь потому, что

была занята другим. Потому что я смотрела на горгоновцев, которые, будучи замученными и уставшими, верили, что им под силу все преодолеть. И я верила.

Жизнь в резиденции начиналась часам к десяти. Люди вальяжно выходили из комнат, зевали, желали друг другу доброго утра, шли в душ или столовую. Начинали носиться дети. Отовсюду раздавались шумные разговоры, иногда смех. И, о, Небеса, как был счастлив Сэм, видя все это вокруг! Ему казалось, что он попал в нормальную жизнь, без военной муштры и излишней строгости Сборта; Сэм словно забыл об опасности, о том, что, в общем-то, оставалось там, за пределами огороженного здания... Это не была нормальная жизнь. Это была пародия, сатира, разыгранная, к тому же, не к месту. Если не думать об опасности, если закрыть на нее глаза, стараясь заглушить страх и апатию – не поможет. Не забудешься, не уйдешь от осознания, лишь подвергнешь себя ненужному риску. Но я не переубеждала друга, знала, что ему был нужен способ и стимул все это пережить. Относилась с пониманием.

Обед. Паек. Льюис, как обычно, отдал мне часть положенного ему шоколада. Молча и без желания выслушивать мои возражения. Затем Сборт коротко оповестил нас, что на беседу с Грином и другими "представителями" всей компании мы не пойдем. Направится сам командир, взяв с собой Михаэля, Сару и Криса. На лице Сэма промелькнуло замешательство, и я понимала его причину. Михаэль – правая

рука Сборта, Сара эмпат, читающий людей, но... Льюис? Я, общаясь с Крисом лучше Сэма, знала – несмотря на мнимую "дикость", Кристофер серьезный и рассудительный человек, чертовски внимательный к деталям, с холодным аналитическим умом; да и достаточно неплохой оратор. Норман же объяснил Льюиса в списке Роберта немного иначе: Крис *идеально проводил жесткие переговоры*. Впрочем, сомнений в том у меня не возникало.

Время "переговоров" тянулось нестерпимо долго. Стивен отсыпался после ночного дежурства, Стэн досиживал последние часы – его затем должен был сменить Норман. Чтобы не томиться в незнании, я решила побродить по резиденции. Солнце пробивалось сквозь окна, яркими зайчиками разрисовывало пятнами стены. Я миновала холл, лишь окинув его взглядом, направилась по парадной лестнице, облицованной мрамором голубовато-серебристых оттенков, на второй этаж. Вместо изображений Трех на барельефах – пейзажи, цветы. Это уже немного напрягло: я вдруг осознала, что *нигде* в резиденции не видела ничего, указывающего на власть Трех. Ни одного изображения. Ни одного символа (которыми так любили украшать абсолютно любые предметы и здания).

Шестеренки в голове усиленно крутились. °13-16-8-28. Что я знала об этом городе? Знала ли вообще что-то? Слишком много цифр и номеров, смешавшихся в единую кучу. И за какую нить не потяни – паутинка лишь сильнее заплетет-

ся. Самое ироничное, номер города был выгравирован над входом в резиденцию. Символа Трех не было. Город слишком далек от юго-запада, чтобы проникнуться сепаратизмом и гражданской борьбой Холодного Штиля. Город слишком далек от Севера, чтобы безбоязненно поддерживать Хорста.

Почему-то именно на втором этаже я обнаружила свидетельства того, что хаос резиденцию не миновал: длинный засохший кровавый след тянулся по зеленому ковру. Массивные гранитные вазоны перевернуты, трещины виднелись на полу и стенах. Брошенные вещи. В какой-то момент я в нерешительности остановилась, думая, нужно ли в одиночку идти дальше? Но было тихо. И ночью никто не пытался на нас напасть. Зараженных в здании тоже быть не могло.

Анфилада залов в правом крыле. Длинная галерея в левом. В галерее десятки дубовых дверей, ведущих в кабинеты и переговорные, а напротив них высокие окна, из которых открывался вид на город. Между оконными рамами – картины. Если постараться, можно было найти связующий между ними сюжет, завязанный на возвышении человека посредством золота, драгоценностей и денежных пачек. Специфический выбор для подобного места.

Я замерла у последней картины. Вернее, перед тем местом, где она должна была находиться. Вместо холста в добротной раме на бархатистой темно-оливковой стене растекшаяся кровь. Не брызги. Не отпечаток. Будто бы чью-то голову разбили об это место. Многократно. Можно было раз-

личить налипшие к кровяным сгусткам волосы.

Отшатнулась. Потeki старые, впитавшиеся в настенное покрытие. Объемные. Тошнота подкатила к горлу. Глаза опустились, вслед за потеками, к полу, к ковру, – тянущиеся следы начинались *отсюда*.

Шаги раздались справа. Заведя руку к пистолету, я резко обернулась. В мою сторону неспешно направлялся Виктор.

– Прошу прощения, если напугал, – сказал он мягко, показывая *пустые* руки в символ своего дружественного отношения. – Заметил, что Вы рассматриваете полотна...

– Решала немного осмотреться. А искусство, знаете ли, всегда притягательно, пусть порой и безобразно, – и кивнула в сторону кровавого следа, не спуская глаз с Виктора и ожидая его реакции. Губы его дрогнули в улыбке.

– Можете не увиливать и задавать вопросы напрямую. Если на какие-то я смогу ответить, то с радостью это сделаю. Мы, увы, не в том положении, чтобы разыгрывать хитроумные игры кабинетной дипломатии, – Бенар подошел ко мне, сцепив руки в замок за спиной и смотря на кровавое пятно. – Один очень состоятельный человек заказал эти холсты, как иллюстрацию своего золотого (во всех смыслах этого слова) пути. Но последнюю картинку, где он восседал на троне из оружия, денег и человеческих голов, как Вы видите, отсюда убрали. Оставили след его собственной головой, как иллюстрацию реального завершения сей истории.

– Это дел рук почитателей Трех?

– "Почитателей"? Вам не кажется ваша формулировка несколько негативной?

– Вы увиливаете от ответа, потому что не знаете его, или все же решили разыграть борьбу кабинетной дипломатии?

– Прошу прощения, не удержался, – Виктор улыбнулся. – Пройдемся, Штефани? Вас ведь так зовут?

Виктор Бенар. Когда он показался мне аристократичным политическим игроком, я не слишком сильно ошиблась. Политолог, профессор с ученой степенью. Его слова о том, что большую часть своей жизни он проработал на Севере, меня тоже не удивили. Покинул землю обетованную он около восьми месяцев назад, когда начался активный следственный процесс против Хорста. Сама судьба вывела Бенара из западни, – буквально на следующий день после того, как он пересек границу, таможенные барьеры вокруг Севера захлопнулись. Поначалу по политическим мотивам, но, кто знает, может и по другим, более значимым причинам: по словам Виктора, в информационное поле уже стали просачиваться сведения о вспышках смертоносной инфекции.

Скрываясь от жнецов, в списках политического сыска которых мелькало имя Виктора Бенара, он прибыл сюда, к брату. Себастьяну не было и тридцати лет, Виктор называл его "горячей сумасбродной кровью", которая все никак "не могла найти своего призвания". Младший Бенар подрабатывал всякими халтурами, с детства наученный делать деньги из воздуха; его жена такого умения не оценила, и покинула Се-

бастьяна одного, забрав дочь и грудного сына. Но братья на произвол судьбы не остались, связи Виктора помогли: под свое крыло Бенаров взял Грин. В этот момент в голове моей пронесся вчерашний вопрос Виктора: "который?". Не медля, я задала его же. Мужчина довольно улыбнулся, деликатно ответив: "Джон. Здесь следовало бы вновь обратиться к той чудной коллекции полотен, но сначала разговор наш должен коснуться Трех. Вопрос деликатный, понимаю, и явно не тот, который следует задавать в приличном обществе; наше сердце ведь не всегда принадлежит тому, чему мы служим... Впрочем, интересоваться выборами души и сердца некорректно, а официально "Горгона" служит власти Трех, так что вопрос действительно получится некстати. Хотя, если позволите, мне доподлинно известно, что самые рьяные сторонники нашего Правительства отчаянно критикуют вашу группу за самовольничество и чрезмерную свободу. Но можно ли покушаться на волю символа, ковавшего в свое время оплот для идеологии?"

Мы обошли второй этаж резиденции по кругу, спустились вниз и вышли через черный выход на улицу. Я старалась быть максимально вежливой и учтивой, а еще вполне сносно разыгрывала роль неосведомленной и крайне любопытной девушки. Говорила мало, лишь задавала наводящие вопросы и конкретизировала определенные детали. Осторожно уточнила, почему Виктор с такой легкостью рассказывает обо всем. Последовал спокойный ответ, мол, тайны-то в

этой информации никакой и не было, а если "Горгоне" это чем-то поможет, будет замечательно; жить хотелось сильно, а "лишние угрозы лучше минимизировать". Бенар сообщил, что готов к любому сотрудничеству, чтобы обезопасить себя и ни в чем не повинных людей.

Солнце поднималось выше. Даже немного припекало. На улице безветренно, погода ласковая и приветливая.

Второго таинственного Грина звали Иммануил. Родной брат Джона, состоятельный аристократ и истинный сын своих родителей, ставивший выгоду во главу угла. Роскошь резиденции, шикарная парковая зона у въезда в город, строительство ветряных электростанций в °13-16-8-28 – все это его рук дело. И если Джон (во всяком случае официально) был слугой Трех, то Иммануил стал значимой фигурой анархичной борьбы, создав себе образ жесткого, грубого и аморального человека, способного добиваться своего негуманными методами. На остатках богатого наследства родителей Иммануил построил собственное наследие, занявшись черным рынком и очень преуспев в нем. Почему же °13-16-8-28 постарались сровнять с землей? Ни столько в этом сыграла роль апокалипсическая инфекция, сколько незаконное сосредоточение товаров и оружия, курсирующих по преступным артериям; и если бы все они вели к Трем, то проблем бы не возникло, но Иммануил в свое время поддерживал и спонсировал (один из многих других) борьбу Штиля, а потому исход и самого "преступного князя", и города был пред-

решен еще до восстания мертвецов.

– Поговаривают, что Иммануила убили его же приближенные, когда началась эвакуация, паника и неразбериха, – тяжело закончил Виктор, закуривая сигару. – Я знал его, как брата Джона. Это был специфический и очень неоднозначный человек. Неординарный, талантливый по-своему, но слишком любивший риск. Возможно, продолжи он заниматься всем по-тихому, так бы и остался незамеченным и живым; но выступления Хорста многих подтолкнули к открытому заявлению о себе, и удавка затянулась.

– Осталось понять, на чьей именно шее, – я остановилась, круто оборачиваясь к Виктору; но мою фразу он сощурился, с каким-то новым интересом всматриваясь в мое лицо. С секунду я молчала, обдумывая все услышанное. – Вы полагаете, что в резиденции остался кто-то из людей Иммануила?

– Вероятно. Однако не берусь утверждать, что именно они могут быть причастны к исчезновениям. Я, признать, пока в целом не вижу связи между пропавшими. Джон пытался выявить нечто общее, но ничего. Абсолютно. Разнобой по всем параметрам, начиная от гендера, заканчивая политическими предпочтениями. Но, полагаю, это уже рассказали вашему командиру, а он расскажет вам. Что ж, – Виктор бросил взгляд к обжитому зданию; в дверях стоял статный мужчина лет тридцати, гладко выбритый, русый. Даже издали сходство с Виктором было поражающим, нетрудно догадаться, что Бенара ожидал его брат Себастьян, – мне пора.

Позвольте, прежде чем уйду, задам прямой вопрос. Ошибся ли я, предположив, что к власти Трех лично Вы настроены несколько скептически?

С пару секунд молчала, продолжая смотреть в сторону Себастьяна. Затем перевела взгляд к Виктору. *Он воспринимал меня горгоновцем.* Может, так было и лучше.

– Мне понравилось, как Вы сказали: "Наше сердце ведь не всегда принадлежит тому, чему мы служим". Занимательно звучит.

– Однако, устремления сердца и номинальность службы тоже вполне могут конфликтовать. Ваши слова туманны, Штефани.

– Спасибо за беседу, Виктор, – я улыбнулась, чуть поведя головой; самостоятельно ставила точку в диалоге. – Надеюсь на Вашу дружбу и помощь в скорейшем раскрытии исчезновений.

Бенар не сдержал короткого довольного смеха. Затем сдержанно кивнул; пожелал доброго дня и направился к брату. Я же, тяжело выдохнув, двинулась обратно к кабинетам горгоновцев. Сердце билось о ребра, как сумасшедшее, воздух обжигал легкие, и сокрытое в глубине волнение на мгновение вырвалось наружу. Я дошла на трясущихся ногах, почти не ощущая земли.

Доложить Роберту. Нужно было всё рассказать. Оплот черного рынка, контрабанда. И кто-то из этих головорезов, вероятнее всего, продолжал находиться в стенах residen-

ции.

Не успела сразу дойти до Сборта; меня перехватил Михайль (видимо для того, чтобы я не успела расспросить ничего существенного про переговоры; командир первым делом собрал рядом с собой исключительно горгоновцев), и началась наша очередная лекция о действиях различных препаратов на организм. Я старалась внимательно слушать, делая подробные записи в блокноте, но мои мысли вновь и вновь возвращались к Сбарту, переговорам, Бенару и Гринам, галерее на втором этаже. Сотни вариантов хитросплетенных схем, возможных развилок и ответов на вопросы.

Когда занятие наконец-то окончилось (никогда еще не ждала этого так сильно!), вновь бросилась к кабинету Роберта, но и тут не успела: Сэм вместе со Стэном вытаскивали остаточный хлам из наших и близстоящих кабинетов, закидывая коробки с бумагами и прочей ерундой в большую темную кладовую, где пыли скопилось больше, чем воздуха; меня попросили помочь (видимо, сама судьба пыталась отбить мой соблазн разведать что-то новое и сообщить что-то узнанное).

Старые документы, скоросшиватели, потрепанные дела, отчеты, доклады, обзоры, рапорты, депеши, информационные сводки – всего так много, что дурно. Счета, документы по переводам с баснословными суммами. Еще больше специфических бумаг находилось в кладовой. Было видно, что многие из них попадали в эти коробки и сшитые пап-

ки случайно (по невнимательности или ошибке, некоторые, возможно, были забыты или утеряны при вывозе или уничтожении себе подобных). Можно зарыться в этих бумажках и найти столько интересного, неоднозначного; можно обнаружить компромат и подтверждение десятка скользких дел, публикация подобного – фурор, подрыв авторитета местных властей, а там уже, как домино... Но сейчас это уже не имело смысла. Что толку копаться в том, что отныне не имеет значения? Что толку переживать о клептократии, когда мы даже не уверены в иллюзорности существования будущего? Но рациональность оставляла, когда глаза натыкались на очередную кругленькую сумму, наименования, аббревиатуру, обозначения и формулировки, от которых мороз пробежал по коже. Я твердо решила вернуться сюда позже за материалом.

Сэм укладывал бумаги в крупные коробки, что стояли в коридоре. Стэн переносил их в кладовую. Я аккуратно взгромодила очередную кипу бумаг на полку стеллажа. Чихнула пару раз от пыли. Неудачно повернулась. Задела большой свернутый пергамент, кем-то втиснутый между плотно набитыми папками. Грохот. Бумаги повалились на пол, другие взметнулись в воздух, а мои громогласные ругательства акустика помещения сделала еще оглушительнее и яростнее. Стэн с Сэмом в легком испуге влетели в кладовую, загоготали, помогая мне выбраться из горы макулатуры... А мне в тот момент на глаза попала скрепленная папка. Ромбиче-

ский символ. Лишенное век око, окруженное переплетными солнечными лучами.

– Штефани? – Стэн невесомо дотронулся до моей руки, – ты в порядке? Белая вся...

Я глянула на горгоновца, кивнула. Подхватила папку, сразу раскрывая и смотря в документы. Даты достаточно свежие. Перечисления на непонятные счета. Какие-то фотографии без смысла и цели. И белые листы. Один за другим. Пустышка. Решила посмотреть на сшитое дело, следовавшие сразу за этой папкой: это были договоры покупки, чеки, каталоги товаров... Оружие. Много оружия.

– Вы справитесь без меня? – Сэм кивнул молча, Стэн же даже подогнал меня поскорее пойти подышать свежим воздухом. Я поспешила прочь, забрав последние две папки с собой.

К Роберту! Всё мое нутро тянуло меня к командиру "Горгоны".

– Роберт! Тут документы, и Виктор сказа... – я оборвалась на полуслове, почти влетая в кабинет Сборта.

Немая сцена. Со вздохом поднявший на меня глаза Роберт.

И Льюис, который обернулся в немом вопросе, картинно вскинув брови и сжав губы.

Если бы можно было исчезнуть по щелчку пальца, я предпочла раствориться. В глазах Криса буквально читалось: "С

хера ли я вообще не удивлен?! Ну какого черта, Шайер, не прошло и половины этого гребанного дня!"

– Я, пожалуй, чуть позже зайду. Видно, не вовремя...

– Нет, нет, проходи, Штефани, – Роберт кивнул на второй стул напротив своего стола. – Мне даже интересно, чем *ты* меня удивишь, – под тяжелым взглядом Льюиса покорно вошла в кабинет и села на стул. – А ты так не смотри на нее, будто сам не при делах.

– При всем уважении, Роберт, этот долбак сам до меня докопался. Если уж человек говорит, зачем затыкать ему рот? В этом случае, по крайней мере...

– Вот именно, – я скептически глянула на Криса, – если говорит, зачем затыкать рот. Можно слушать, а это приносит плоды...

– А теперь замолкните оба, – тон Роберта мягкий, но волевой. – И давайте по порядку.

Как оказалось, после завершения переговоров с Грином и представителями "мастным советом" (к счастью, консенсуса удалось достичь: для начала Роберт убедил их в необходимости установить дежурства (с горгоновцем теперь всегда должен был выходить человек *из резидентов*) и усилить дисциплину), Кристофер решил обойти прилегающую территорию. Хотел немного осмотреться, когда его перехватил Даниэль Кремер ("тот самый брат-близнец" – как-то снисходительно заметил Льюис), и попытался завести беседу, разговорить военного и "наладить дружественные связи" на поч-

ве "*единоверной службы*", ведь и Даниэль, как и горгоновцы, "служит всеобщему благу в лице Трех".

Даниэль оказался офицером таможенного блокпоста, искренним сторонником официальной власти Государства, да и очень, по словам Криса, "дотошным парнем, считающим, что фамилльярность и надуманное побратимство способны тут же сделать его близким другом горгоновцев". Но Льюис был на удивление сдержан, и снисходительно продолжил беседу, ведь Даниэль был одним из тех, кто постоянно ходил на вылазки, хорошо знал прилежащий город, близлежащие местности, да и достаточно неплохо был осведомлен о людях, живших в резиденции. Все это могло сделать его "полезным" хотя бы на первых порах. Ко всему прочему, Крис как бы невзначай разузнал о том, где в резиденции хранятся припасы, насколько много вооруженных людей, насколько много владеющих оружием (ведь иметь за пазухой пистолет и уметь из него стрелять абсолютно разные вещи). Чуть расспросил о Джоне, о жизни в городе до начала конца.

В частности, Льюис разнюхал интересный факт: когда Джон с выжившими вернулся в резиденцию, здесь уже пряталось человек десять. Жена Грина вспышки вируса не пережила. Здесь же в повествовании Криса всплыло имя Иммануила, и настал мой черед пересказать слова Виктора, обрисовать галерею второго этажа и запыленную кладовую с сомнительной документацией.

Роберт слушал внимательно. Не перебивал, лишь иногда

задавал уточняющие вопросы и делал какие-то пометки на большом разложенном на столе листе бумаги. Он вообще был достаточно сдержан в проявлении эмоциональных реакций на информацию, которую мы с Крисом вываливали на него – дело, на первый взгляд, принимало интересный оборот, но судить в общем и целом о всей ситуации не представлялось возможным; каков в информации процент преувеличений, фантазий, гипотез и предположений никто не мог ответить наверняка, да и связано ли прошлое °13-16-8-28 и разносторонняя семья Гринов с нынешними исчезновениями тоже оставалось под сомнением. Роберт лишь попросил нас с Крисом не дергаться раньше времени. Что-то случайно узнали – "молодцы, хорошо, ушки держим остро, глазками смотрим зорко, но, упасите Небеса, что-то самим разнюхивать без согласования".

Мы покинули кабинет Роберта молча. Прошли по коридорам, вышли на улицу.

Льюис не сильно ворчал, что я куда-то влезла и что-то пыталась узнать. Просто потому, что он сам сделал ровно то же самое. Оказался в нужном месте в нужное время и подыграл, начиная что-то "разнюхивать без согласования". Хотя и промолчать не смог.

– Я просто не могу понять, чем ты думала? Пошла с этим Виктором одна, не предупредив никого. А случилось бы что? Вдруг он стоит за всеми исчезновениями? Могла бы ты за себя постоять, я хотя бы немного мог понять, хотя бы отча-

сти. У тебя что, взаправду инстинкт самосохранения отсутствует?

– Да есть он у меня, – я скривилась, – просто так совпало. Я же не сказала бы, "ой, Виктор, прервитесь на минутку, я сбегаю с горгоновцам, скажу, чтобы наготове были". Мне, к тому же, нужно образу соответствовать. Да и информация лишней не бывает.

– Ты к любой ситуации оправдание находишь.

– Не завидуй.

Мужчина усмехнулся.

– Просто постарайся в следующий раз таких ситуаций не допускать.

Горгоновец рассказал мне и о своеобразном совете, функционирующем в резиденции и принимающем основные решения; и о небольших группках, занимающихся вылазками в городок и близлежащие территории.

Крис покачал головой, состроив гримасу: количество оружия, заявленное Джоном, не особо походило на реальное, и тут либо кто-то не договаривал о запрятанном инвентаре, либо Джон увиливал. Хотя и "совет резиденции" тоже не особо ассоциировался с истинно искренними людьми. И ведь речь шла не о доверии незнакомцам, а о недоверии своим собратьям по несчастью, с которыми здешние обитатели оказались вынуждены делить крышу. Все разрозненны, разобщены – какие вообще могут быть разговоры о безопасности?

– Нам даже так остороженько намекнули, чтобы мы за-

нимались здесь своими делами, особенно не лезли в дела резиденции. Помогли с безопасностью от зараженных и сидели смирно, – хмыкнул Льюис, закуривая.

– А Сборт что?

– Ничего. Там перевел тему, а нам сказал, что не стоит искать себе врагов.

– Он осторожен.

– Очень, – согласно кивнул Крис, останавливаясь на месте. Напряженно думал о чем-то с секунду, сосредоточенно затягиваясь сигаретой. Затем отвернулся, окидывая взглядом внутренний двор.

– А кто намекнул сидеть смирно? – горгоновец не ответил; тяжело вздохнула, разводя руками и качая головой. – Да брось, Льюис, какие сейчас могут быть тайны? О, Небеса, послушай, – дотронулась до плеча мужчины, вынуждая обернуться ко мне, – я нашла бумаги в кладовке, и даже если сотая доля из них действительна, то ситуация может быть куда серьезнее, чем кажется, – решила сразу говорить прямо. Кристофер серьезно и внимательно смотрел в мое лицо. – Это были реквизиты *закупок оружия*. Да в таком количестве и объеме, что в голове не укладывается. Там были ПП, штурмовые и автоматические винтовки, пистолеты любого вида и калибра; огневая мощь покрепче, а про количество разношерстных боеприпасов я вообще молчу. Зачем это нужно закупать? Тем более в таком городке? Тем более через резиденцию? – мужчина все еще молчал. – Значит,

дела Иммануил вел прямо здесь, прямо отсюда. Ядро всей его системы находилось здесь, в резиденции, которая, похоже, вместо административного центра стала частным представительством брата Джона; и он сам наверняка знал обо всем, просто не мог не знать. А значит, сейчас действительно *он* может темнить и недоговаривать. Но дальше интереснее: ты сказал, что в приезд Джона с выжившими в резиденцию, здесь уже были люди. И Иммануил погиб *до возвращения Джона*, но *после начала свирепствования эпидемии* в городе. Значит, кто-то из тех, кого в резиденции обнаружили, мог быть причастен и к смерти Иммануила, и к его работе, — мысль сменяла одна другую; уже говоря, я выводила новые причинно-следственные связи, о которых сначала даже не думала. — Да и контрабанды было много. Я видела документы на поставку товаров, начиная от алкоголя и табака, заканчивая психотропами. Никто ведь не думал о том, что Северная зараза так разрушительна, никто не думал, что город решат бомбить. Поэтому пытались вывезти бумаги и документы. Подчищали следы, чтобы спокойно затем вернуться... Но зачем убили Иммануила? Были ли исчезнувшие как-то связаны с ним? Может, мы чего-то не знаем? Может не договаривает Джон? — я замерла, глянув Льюису прямо в глаза. Он был хмур, а я... Мое сердце колотилось где-то в горле. — *Крис, кто уже был в резиденции, когда Джон прибыл? Они входят в совет? Они предложили горгоновцам заниматься своим делом?*

– Остановись, – медленно и с расстановкой проговорил Льюис, – Шайер, *остановись*.

– Но...

– Нет. Стоп. Хватит. Не лезь в это. *Не смей в это лезть*.

– Да какого хрена, Льюис?! Я прекрасно знаю, что такое контрабанда, кто обычно за подобным стоит, и как они решают свои дела. Особенно в нашем Государстве. А если опустить все нюансы, то ты вообще не имеешь никакого права говорить, что мне следует и не следует делать.

– Я и не пытаюсь. Но настоятельно прошу не совершать глупостей. Сначала обсудим все с Робертом. И "Горгона" со всем разберется.

– А если я ошибаюсь в каком-то из своих предположений? – мотнула головой; Льюис фыркнул, хотел уже что-то сказать... – Рано говорить Роберту, нельзя распускать слухи и напрягать его пустыми догадками, нужны весомые доказательства. Я могу узнать что-то еще, дай мне время, – горгоновец вздернул бровь, от гнева не в силах что-то сказать. – Не смотри на меня так! Роберт не должен воспринимать меня как... Не знаю! – махнула руками.

– Шайер, да какого?! – процедил Льюис. – Это не просто пустые предположения и очередное "журналистское расследование", – он глухо прорычал, стискивая зубы. Выдохнул медленно и шумно. – Послушай. Да, на собрании Роберт высказал нам очень похожее предположение. Но мы только приехали. Нужно осмотреться. Нужно понаблюдать. Нужно,

черт возьми, решить хотя бы одну из насущных проблем! Не торопи! Все идет своим чередом. Не ввязывайся, Шайер! – но не успела я возмущенно ответить, как вдруг за нашими спинами раздался тихий детский голос.

– Простите, можно спросить? – мы с Льюисом синхронно обернулись.

Перед нами стояла смущенная девочка лет шести. Две ко-сички, украшенные перламутровыми бантиками, лежали на ее плечиках. Большой единорог из пайеток поблескивал на цветастой кофте.

– Я слушала, что вы приехали из другого города, да? Мой папа уехал в другой город. Я его жду, а он все еще не вернулся, – переглянулись с Крисом, абсолютно не зная, как себя вести; стало погано и страшно, вся история с контрабандой, Имманулом и безымянными исчезновениями сместилась назад, а реальность Северной заразы накрыла с головой, точно сильная волна. Мы с Льюисом почти одновременно присели, чтобы оказаться с девочкой на одном уровне. – Мой папа тоже был военным, – девочка мягко улыбнулась, указывая пальчиков на форму, *в которую и я была одета*, – я подумала, может вы работали вместе?

– Хей, привет, – голос Льюиса стал внезапно мягок, похож на урчание кота, – слушай... А как давно твой папа уехал? Как его... Зовут?

– Он уехал, когда мы с мамой приехали сюда, – худощавая девочка кивнула на резиденцию. Внезапно из-за угла вы-

скочила испуганная женщина; сразу ясно, что мама девочки, больно уж похожи. – Его зовут Карстен Фогт. Он очень высокий, с голубыми глазами. Еще у него на запястье шрам есть.

Женщина, утирая слезы, быстро направлялась к нам.

– Хмм, – протянул многозначительно горгоновец, переглянувшись со мной, – знаешь, кажется да, мы его видели... Помнишь, Штеф?

– Да, точно, – кивнула, глянув на девочку, – он очень помог нам. Мы встретили его по пути сюда; он направлялся по секретному делу и личному поручению командира. Я ведь правильно помню, Крис?

– Верно, – Льюис улыбнулся ребенку, – а еще он просил передать его дочери, если мы ее когда-нибудь встретим, чтобы она не грустила и не переживала. Тебя ведь зовут?..

–Иви!

– Да, конечно же, Иви! Как удачно, что ты нас нашла! Мы так переживали, что не сможем доставить послание!.. – Кристофер тяжело сглотнул, видя, как девочка искренне улыбается.

– Он разберется с делами и вернется. Главное не грусти, – я осторожно взяла девочку за ручки, – он, может, немного задерживается, но ведь ты понимаешь, что у него очень важная работа.

Девочка закивала, благодаря нас и протягивая руки для объятий; ее мать замерла в десятке шагов. Мы с Крисом обняли кроху, она что-то довольно прошептала и сорвалась

восторженно делиться с матерью новостями. А та... Посмотрела на нас, улыбнулась через слезы, в безмолвной благодарности кивнув.

А я чувствовала, как внутри растет болезненная дыра.

Мотор затихает, я а откидываю голову назад, продолжая держать руку на рычаге переключения передач и смотря через лобовое стекло на озаренные утренними лучами пригородные домики.

Пусто. Тихо. Даже природа точно вымерла: пожухшая трава, выцветшие деревья. Ни дуновения ветерка.

Следующий блокпост, который нам попался, мы не смогли миновать: пришлось колесить, пытаясь найти другую дорогу, и, как бы Роберт не старался увести нас подальше от населенных пунктов, здесь у нас иного пути не было. Придется проехать через город, выехать на другую трассу.

Но мы делаем паузу. Останавливаемся в пригороде у здания, чей фасад переполнен флуоресцентными неработающими вывесками: ни то дешевый отель, ни то клуб. Рядом с ним заправка, и я думаю, что мы наполним баки и сразу выдвинемся в путь, но командир "Горгоны" дает отмашку: отдых. Привести себя в чувство, немного отвлечься от ужаса вокруг. А потому, после того, как баки заполнены, и магазинчик у заправки опустошен, мы паркуем машины у неоднозначного здания и входим внутрь.

Когда эпидемия захлестнула, жителям пригородов уез-

жжать было чуть проще. Здесь и царящий вокруг хаос ощущается не так остро: просто оставленное место, которое люди покинули за ненужность. Или увеличившийся в размерах кукольный городок, хозяйка которого выросла и оставила игрушки пылиться.

Но пустота вокруг и тишина давящая, гнетущая; и когда ты знаешь истинную причину этого безмолвия, становится истинно жутко.

Здание, в которое мы входим, действительно оказывается увеселительным заведением. Роскошная барная стойка, где уже кто-то изрядно похозяйничал, столы с бильярдом, диванчики, кресла, стеклянные мозаичные столешницы, бывший танцпол, пилоны. Стеллаж с настольными играми на любой вкус и любую компанию... И тишина. Из следов погрома – только немного обнищавший бар. Ни тел. Ни крови. Это даже странно. И еще страннее воспринимать это чем-то из ряда вон.

Как же кардинально порой может поменяться наша жизнь. В считанные дни. В считанные часы.

Горгоновцы осматриваются. Заглядываю в каждый закуток, пока мы с Сэмом опасно следуем за ним попятам, шугаясь шорохов и собственных теней. На улице начинается нещадно парить. Испепеляющая жара. Я здесь, внутри там прохладно и свежо...

Стивен обнаруживает генератор, и они вместе с Сэмом даже приводят его в чувство – цветные огни света озаряют

темный зал, а мне почему-то до того хочется плакать, что я лишь чудом сдерживаю рвущуюся изнутри истерику.

Роберт говорит нам отдохнуть. Сам выходит из заведения к машинам, чтобы пронаблюдать за обстановкой. Сэм, найдя консервы и различные снеки, набивает себе карманы и тоже порывается уйти в трейлер, зазывая и меня. Но Сара с Норманом оказываются убедительнее Сэма, и я остаюсь с горгоновцами внутри.

Михаэль с Кристофером принимаются разыгрывать партию в бильярд. Стивен с Норманом забираются за барную стойку; пока Дэвис выставляет нам снеки, открывает разноцветные баночки с оливками, маслинами, в расписные фарфоровые креманки выкладывает законсервированные фрукты, Роудез ловко разливает напитки и намешивает коктейли с профессиональной ловкостью. Стэн обнаруживает пледы, предлагая в дальнейшем их забрать с собой – нужная вещь, а, главное, функциональная; Тарэн же и занимает нас с Сарой какой-то цветастой настольной игрой.

Кий ударяет по очередному шару, который катится в лузу. Кристофер удовлетворенно посмеивается, видя разочарованное лицо Михаэля. Стивен с Норманом, уставив стол выпивкой и снеками, присоединяются к нашей настольной игре.

В первые минуты мне тяжело. Я много думаю, много рефлексирую, каждый раз дергаюсь от звуков. А потом стараюсь сыграть роль. Заставляю себя расслабиться. Взять

напиток. Сделать глоток – алкоголь приятно обжигает изнутри; я подхватываю чипсы, все сильнее ударяюсь в азарт, когда кубики с глухим стуком бьются о поверхность стеклянного стола. Горгоновцы становятся расслабленнее, вскоре начинаются разговоры и шутки.

И я понимаю, почему Сборт сказал нам остановиться здесь. Даже в самые тяжелые моменты нельзя терять вкуса к жизни. Когда вокруг непроглядный мрак, так важно не потерять способность радоваться и видеть хорошее в мелочах.

Пир во время чумы. Любовь во время холеры. Пляски на костях. Жизнь вопреки смерти.

После встречи с маленькой крохой и ее матерью я впала в болезненное коматозное состояние. Выбилась из всех обсуждений, молчала; завалилась днем в постель и достаточно долго провалялась, отвернувшись к стене. Я, наверное, так бы и не пошевелилась, если бы меня не начали тормошить горгоновцы. Очень деликатно вытаскивать из кровати, не позволяя погрузиться хандру, но и не тревожа болезненные раны где-то глубоко внутри. Я поднялась впервые на крышу резиденции вместе с Норманом, который направлялся туда на дежурство. Затем побродила с Сарой и Стивеном по кабинетам, выискивая что-то интересное, но натываясь, зачастую, лишь на стандартные рабочие кабинеты, горы бумаг и слои пыли толщиной с палец. Посидела с Робертом и

Михаэлем, разбирая детальный план резиденции, даже разделила пачку орешков со Стэном, сидя на ступенях у входа в резиденцию и наблюдая за стаей птиц, то взмывающих в воздух над городом, то опускаясь к самым крышам. Там меня нашел Крис и предложил порыться в бумагах кладовки, точно зная, чем меня завлечь и отвлечь. День пролетел по щелчку пальца, и я не заметила, как солнце вновь опустилось за черную линию горизонта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.